

Никита Подгорнов

Меня называли Ольгой в честь прабабушки: Ольги Ивановны Востроковой, которой, в свою очередь, дали имя в честь бабушки с ней в один день. Ольги Николаевны. Родных Романа не было. Иметь без Ольги так и не удалось. Это оттого, что она отдала себя в том же году, когда стала женой Алексея Бехтерева. Мамин рука не была в состоянии издать её. Она не менее, чем когда-то, любила свою ответственность. Имени, поскольку она не без оснований называла меня при рождении. «Моя при рождении хочет спать» – говорила она, укладывая меня в кровать. Затем, поцеловав меня в лоб, желала сказочных снов. Для меня мама так и осталась «мамой маленькой принцессы Ольги». Большого судьба нам не дала.



Никита Подгорнов

Ольга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12272093

ISBN 9785447430818

Аннотация

Все, что она хотела – это найти равновесие в своей жизни. Точку опоры, которая поможет ей принять всех призраков её прошлого. Раннюю смерть матери и сложные отношения с отцом. Она хотела избавиться от страха любви, который породила в ней эта детская травма. Научиться подпускать любовь и не бояться себя самой. Но пока же она привыкла убегать. Менять друзей, страну, профессию. Но она всегда верила, что одна из попыток убежать будет той самой дверью, за которой находится настоящая любовь.

Содержание

Глава I	5
Глава II	34
Глава III	91
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ольга Никита Подгорнов

*Я вспомню тех кто красивей тебя
Умнее тебя, лучшие тебя,
Но кто из них шел по битым стеклам
Также грациозно как ты?*
Борис Гребеничиков

© Никита Подгорнов, 2015

Редактор Наталия Владимировна Даманина

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава I

Меня называли Ольгой в честь прабабушки: Ольги Ивановны Воронцовой. Которой, в свою очередь, дали имя в честь рожденной с ней в один день великой княжны Ольги Николаевны. Той самой, первой из последних Романовых, о чьих судьбах нельзя говорить без слез. Хотя и судьба моей прабабушки, как и всех Воронцовых начала XX века – это отдельная страшная история, трагично отображенная в том самом, великом стихотворении поэта Бехтеева¹, записанном рукой моей царственной тески на одной из её книг.

Тем не менее, моя мама всегда любила эту преемственность моего имени, поскольку могла не без основания называть меня принцессой. «Моя принцесса хочет спать» – говорила она, укладывая меня в кровать. Затем, поцеловав меня в лоб, желала сказочных снов. Для меня мама так и осталась «мамой маленькой принцессы Ольги». Большого судьба нам не дала. Моя мама умерла, когда мне еще не исполнилось и семи лет.

Наверное, это может показаться грубым – говорить об этом вот так, сухим фактом, без оттеняющего пафосного трагизма. Но именно так все и происходит в жизни. Тебя отправляют на неделю к родственникам, поиграть и пове-

¹ Имеется ввиду стихотворение поэта-монархиста Сергея Бехтеева «Молитва». Более известное по первым строкам: «Пошли нам, Господи, терпенье...»

селиться с такими же как ты «принцессами», а в это время твоя мама ложится на операцию и на следующий день к тебе возвращается отец с пустыми от выплаканных слез глазами и говорит, что мамы больше нет. Нет – как данность. Свершившийся бесповоротный факт. Как непреклонное обязательство перед жизнью: пока ты живешь – всегда будут умирать другие.

Но осознание потери приходит не сразу. Шестилетний ребенок сопротивляется тому, что «нет» – это навсегда. Детство наивно. Кажется, что в нем все можно исправить. Взмахом волшебной палочки или на крыльях дракона, но все поправимо. Добро всегда побеждает зло, нужно только быть прилежной дочкой и зазубрить азбуку. Детей всегда ограждают от суровых законов жизни, заменяя их миром фантазий. Но бесконечному хаосу нет никакого дела до этого мифического мира детства. Он вступает в свои права властелина судеб с нашего самого первого вздоха и неумолимо преследует нас всю нашу жизнь. Понять это очень сложно, а принять, наверное, невозможно и вовсе.

В начале все хотят помочь, оградить ребенка от случившейся трагедии. Произносят странные фразы о том, что «ты никогда не останешься одна», что «мы всегда будем рядом». Но сама ты не понимаешь, кто эти «мы» и почему им теперь нужно быть всегда рядом. Ты хочешь того поцелуя перед сном и родного голоса, называющего тебя «принцессой». Ты скучаешь по нему и не понимаешь, почему его больше

нет. Но никто не скучает вместе с тобой, вокруг только сильные взрослые, которые ограждают тебя от потери.

Первые годы после смерти мамы, я постоянно чувствовала себя виноватой за то, что мне её не хватает. «Какая красивая Оленька». «Улыбнись нам». «Давай поиграем». Взрослые невольно подталкивают тебя в тот привычный для них мир беззаботного детства. Ребенок должен быть счастливым не смотря ни на что. Даже смерть родной матери не должна быть преградой.

Мир – несправедлив, хотя порой и воздает тебе по заслугам. Но гораздо чаще он просто применяет свои законы на случайно выбранных людей. Моя мама была врачом, как и мой отец. Они оба спасали людей. Мама – женщин, будучи хирургом-гинекологом, а отец – всех подряд, работая общим хирургом. Две судьбы великих профессий, сплетенные воедино и разорванные нелепой смертью. Высшая несправедливость, которую маленькая девочка не может уместить в своем сознании.

Уже потом, став взрослей, я узнала, что такое аденокарцинома и рак поджелудочной железы. Что такое «операция отчаянья» и управляемая гипертермия. Мне было важно это узнать, потому что должен был быть враг. Кто-то виновный в том, что мамы больше нет. Иначе невозможно. Я решила ненавидеть этот рак и от этой ненависти становилось легче. Потом к раку добавилась профессия врачей и стало совсем легко. Одиноко, но легко.

После того, что произошло с мамой, отец первое время пытался держаться. Сразу после её смерти он взял отпуск и целыми днями был рядом. Играл в ту глупую игру беззаботного детства. Это было странно. Взрослый мужчины, улыбку которого было так сложно заслужить в прошлом, превратился в растерянного подростка, постоянно сюсюкающегося с тобой. Через несколько месяцев он сдался и с нами стала жить бабушка. Мать отца из того самого закаленного трагедией наших предков рода Вороцовых. С ней было проще. Её любовь и забота была требовательной ни смотря ни что. Она не относилась ко мне как к ребенку, а воспитывала во мне стойкость взрослого человека. Отец же с головой ушел в работу и почти не появлялся дома. Все его влияние на меня ограничилось проверкой уроков и требованием к прилежному обучению. Как не странно, но это пошло мне на пользу. При желании получить внимание от наиболее родного мне человека я усердно занималась и к восьмому классу была круглой отличницей. Правда дальше произошло то, что до сих пор, когда мне уже больше тридцати, заставляет меня с огромным усилием набирать номер его телефона. Отец ушел в другую семью.

То есть не совсем ушел. Он забрал меня с собой, но для моего подросткового сознания это было предательством нашей прежней жизни. Большую часть времени я привычно проводила с бабушкой, которая теперь жила отдельно. Новая семья не была плохой и мне, скорее всего, даже было ком-

фортно в ней. Татьяна, женщина с которой теперь жил отец, была очень хорошим человеком. Она, наверное, единственная кроме бабушки, кто не пыталась сделать меня счастливой во чтобы то ни стало, а хотела стать той, которая меня понимает. Но для подросткового возраста, в который я перешла в то время, как это ни парадоксально, нет ничего более отталкивающего, чем попытка взрослых их понять. Соучастие в подростковом кризисе – губительная ошибка родителей. Ведь весь смысл подростковых перемен в том, что взрослые, да и весь мир вокруг, не понимают тебя. Через это противопоставление себя и других рождается индивидуальность. И глупо пытаться разрушить это противопоставление своими попытками понять мир своих детей. Все это можно только пережить, аккуратно подчищая неминуемые проблемы. Нужно просто терпеливо направлять ребенка, но не по выбранному родителями руслу, а в ту сторону, которую ребенок выберет сам. Только так. Предостерегая беду, а не ограждая от неё. Не запретить, а мучительно надеется, что подросток справится сам. Сам выкурит одну, а не двадцать сигарет. Сам поймет, что алкоголь – это не лучший спутник на каждый день. И так далее. Опекать детей от всех бед, можно только лишив их независимости, но именно за неё они борются каждый день своего подросткового становления. И именно по тому, как во взрослой жизни человек использует эту сложившуюся в детстве независимость, определяется влияние родителей. Кто-то набив ши-

шек принимает в родителях мудрых учителей и разделяет с ними свою взрослую жизнь. А кто-то закрывается от них навсегда, привычно пряча свою личную жизнь от их излишнего влияния.

У меня вышло что-то среднее. С одной стороны, никто не давил на меня запретами, с другой, я так и не смогла выдать новой семье доверенность на свою личную жизнь. В какой-то момент я поняла, что им хорошо без меня, а я справлюсь и без них. Вот и весь рецепт. Начиная со старших классов школы моя жизнь была личной историей Ольги Воронцовой, лишь изредка пересекающейся с историей семьи моего отца.

Старшие классы меня многому научили. Иногда кажется, что именно они определили мою будущую жизнь. Это был конец девяностых в странной новой России. До нас, молодых и активных, никому не было дела. Страна то и дело погружалась в войны, кризисы, политические перемены и все были заняты только этим. Никто не видел в нас будущее этой страны, потому что мало кто представлял каким это будущее вообще могло бы быть. А мы, мы жили сами по себе. Независимость, возведенная в квадрат.

Первые клубы, первые рок-концерты поколения новой свободной России. Музыка определяла нас, а мы определяли её. Новые герои больше не шли против режима, не прятались в подвалах. Они были свободны и пели об этой свободе. Закрой окна и задерни шторы, чтобы рассмотреть все тре-

щинки. И испытай любовь, которая больше, чем мое сердце и страшнее прыжка с крыши. Все так и было. Романтики, с главной целью непременно проснуться в одной постели.

Я люблю то время. И себя в нем. Свой худой, вытянутый силуэт в кислотного цвета лосинах и юбке-резинке. В джинсовой куртке-варенке. С поставленной челкой. Тогда я впервые постриглась коротко, навсегда определив длину своих волос не ниже каре. На лице: без преувеличения, дикий макияж с массой фиолетовых оттенков и обязательная ярко красная помада. Это было время первых поцелуев и первой влюбленности. Конечно же в студента в потертых джинсах и с гитарой наперевес. Бесконечной сигаретой во рту и обязательной бутылкой портвейна возле ног.

Сейчас я вспоминаю всех этих безудержно клевых, как тогда казалось, мальчиков и понимаю, что они ни что иное, как молодые парни с фотографий наших отцов. Все, чьи отцы в своей молодости носили длинные волосы, ходили в расписанных шариковой ручкой джинсах с модными надписями зарубежных групп; все мы по уши влюблялись в новое рок-поколение. У нас не было шансов. Первый мужчина, к сожалению, всегда твой отец. И через его образ мы учимся любить других.

В университете, впрочем, все изменилось. Я сохранила хорошие оценки, насколько это было возможно при всей той московской уличной романтике, и поступила в главный ВУЗ страны. Факультет иностранных языков. У меня был четкий

план. Красный диплом и дальше жизнь за границей. Америка или Англия. Может Франция или Германия. Я изучала все три этих языки. Мне было не так важно куда – главное уехать. Но уехать по-особому, не так как уезжают сейчас. Эйфория жизни за границей не означала желание вырваться из России. Было другое. Желание показать себя, проверить свои силы, узнать других. Мы жили в другой стране. Несчастной и странной, но одухотворенной свободой. На первых курсах мы мечтали, как однажды окажемся в заграничье и покажем всему миру, какие на самом деле русские. Мы хотели научиться чему-то у других, разделить с ними наши корни и привнести в большой глобальный мир что-то свое, а не просто скопировать или чаще отгородиться, как это происходит сейчас.

Тогда же на втором курсе пришла первая долгая любовь. Три года, которые сейчас кажутся отдельной жизнью. Его звали Игорь. Студент-историк, с дьявольским обаянием и внешностью ангела. Первый и последний блондин в моей жизни. Около года с момента нашей первой встречи, я не понимала, возможно ли, что бы мужчины привлекали меня еще более сильно, чем Игорь. Он казался идеальным. Во всем. Красота, ум, манеры, секс. Во мне кипела кричащая страсть и неутолимое желание идти за ним хоть на край земли. Я не видела ни одной причины, почему мы не можем быть вместе навсегда.

Но как это часто бывает, его идеальность превратилась

в заурядность, безудержный секс в обыденность, а желание быть вместе в привычку. К тому же к концу университета Москва стала меняться. Нулевые брали свое и новые возможности обретали свои очертания уже внутри столицы. Больше никуда не хотелось уезжать, а хотелось остаться и впитать в себя всю эйфорию успешной Москвы середины двухтысячных. На смену наивным романтикам пришли дерзкие и самоуверенные. Мелодии стали пафосными, а потертые джинсы сменились на брендовую одежду. Дома Культуры превратились в гламурные клубы, в которых новая успешная молодежь олицетворяла собой подъем России. Это были веселые беспечные времена, когда расчет свободы был в сумме чека на выходе из клуба.

С Игорем мы расстались на последнем курсе университета. Без особой трагедии. Просто каждый пошел своей дорогой. Моя привела меня к высокооплачиваемой работе на МИД России. Элитная должность, госслужба. Приоритеты прошлых лет сошли на нет. Никакой индивидуальной карьеры с нуля, только связи и расчет на высокий доход. А Игорь остался в университете и решил закончить аспирантуру.

Уже на старших курсах университета я все реже появлялась в доме отца. Ночевки у подруг или в общежитии у Игоря. Поэтому после диплома и первых реальных доходов новой работы я сняла себе собственную квартиру. Большая студия недалеко от центра. Мое новое окружение диктова-

ло новый образ жизни. Новый ритм, в котором работа была лишь возможностью завести новые важные знакомства и связи, а доход определял, какой именно клуб или рестораны можешь позволить себе вечером. Появилась мода. Бренды перестали пугать – они манили за собой. Короткое платье и туфли, стоящие месячную зарплату – вот главный атрибут успешной девушки середины нулевых.

Но я быстро пресытилась этой жизнью. Нет, я не осуждаю себя или других. Тут дело в моем личном восприятии подобного образа жизни. Мне нравилось красиво выглядеть и проводить ночи на танцполе. Нравилось внимание красивых стильных парней. Это было легко и беззаботно. Не было интриг, обид и ссор. Мы влюблялись ровно на одну ночь, чтобы наутро разбежаться в поисках новых впечатлений. Но в этой жизни остро не хватало очень важного для меня фактора – самой себя. Своего становления, своего восприятия и своих личных целей. Все было как-то поверхностно, усреднено. Ты сама ничего не решала. Даже выбор платья был подчинен привязанным сверху тенденциям, не говоря уже об общей атмосфере, которая кочевала из одного модного клуба в другой. К тому же работа в МИДе – это работа образованной пустышки. Я была красивой декорацией возле влиятельных чиновников, которые полностью определяли мою судьбу. Карьера не зависела ни от чего, кроме того, кому именно ты придешься по вкусу. Я не имею ввиду никакие постельные отношения. Все куда проще. Иметь в своем под-

чинении красивую куколку было просто модно. Спать можно было с другими, куда более способными в этом смысле женщинами.

Поэтому, когда моя университетская подруга Алиса предложила заняться частным бизнесом и открыть в Москве лингвистическую школу, я не долго раздумывала. Мне очень хотелось вырваться из этого круга, который уже вовсю начал становиться порочным. Я хотела отделить себя от этой «элитной» составляющей московской жизни. Хотелось жить самой по себе и отвечать за свои поступки, а не рассчитывать на связи и покровительство всемогущих мужчин.

О моей подруге Алисе, с которой мы основали лингвистическую школу, стоит рассказать отдельно. Она очень важный человек в моей жизни. Про себя я называю её «младшей сестрой», хотя на самом деле она старше меня на два года. Но так уж изначально сложились наши отношения, что мне в них выпала роль постоянного советчика и нравоучителя. Мы познакомились на третьем курсе. Знакомство произошло вполне банально: один из близких друзей Игоря закрутил с ней непродолжительный роман, и всего несколько совместных встреч двух наших пар перевернули мою жизнь с ног на голову. Это вполне буквальное определение начала дружбы с Алисой. Её характер, привычки, настроения, амбиции, да все в ней абсолютно противоположно моему. Она эдакий гиперактивный подросток, воплощающий в себе доказательство существования броуновского движения. При

этом её нельзя назвать импульсивной. Для того, чтобы быть импульсивной нужно хоть изредка находиться в состоянии покоя. Но покой – это не про Алису. Она спрашивает, и сама же отвечает на свой вопрос. Затем сразу же меняет тему, чтобы погрузиться в новые расспросы. Иногда наши беседы – это просто монолог этой чудесной девушки с самой собой. Но при этом ты не чувствуешь себя отчужденной – магия Алисы в том, что за этим монологом безумно интересно наблюдать. Он действительно притягателен. Этот контраст между поверхностной болтушкой и интересным человеком – её самое интригующее достоинство. Невозможно себе представить, что человек, о котором принято говорить, что его, мягко говоря, «слишком много», будет тебе интересен. Но именно так и происходит.

За годы общения с ней я поняла, в чем причина этого парадокса. Она удивительно искренний и добрый человек. То есть совсем. Полностью. До беззащитности. Порой подобных людей называют «вечными детьми», но я бы не спешила с этим определением. Вечный ребенок – это скорее способ самозащиты. Непринятие взрослого, как бессилие перед правилами взрослой игры. Тут же другое. Что-то до странности врожденное, подкожное. Ей не дискомфортно с этим, но и не сказать, что это помогает ей жить. Она просто такая. Моя Алиса.

Однажды, как раз незадолго до того, как мы решились на собственный бизнес, Алиса до беспамятства влюбилась

в одного танцора. Он был безумно хорош собой. Высокий накаченный брюнет с мощной харизмой, которая искрилась бешеной сексуальностью. Этаким гладиатор с арен римских амфитеатров. Как поэтично выразилась Алиса: «он забирал жизни во время своих выступлений». В общем, Алиса была очарована. Все мысли о нем, все желания только о нем. Последние было особо актуально, поскольку в отношениях с мужским полом у неё наступила весьма продолжительная и, если можно так выразиться, ощутимая пауза. Но «гладиатор» не обращал на неё никакого внимания. Никакие общие знакомые, случайные и не очень встречи не шли на пользу. А Алиса, мягко говоря, редко обходилась без внимания мужчин. Как-никак почти сто восемьдесят сантиметром роста, с соответственной длиной выточенных словно для статуи ног. Белокурый цвет волос, натуральности которого может позавидовать даже жительница Скандинавии. Все это приправлено миловидным личиком с крупными глазами перламутрового оттенка. И в завершение образа – весомый аргумент в виде пышной груди. Главный недостаток – в количестве достоинств, не иначе. И вот этот шедевр остается без внимания у аналогичного шедевра мужского пола. При этом последний не брезгует отношениями с особами, явно проигрывающими Алисе по всем параметрам.

Мудрая женщина здесь остановится и поймет, что её герой просто не её уровня. Причем этот уровень будет в пользу проигравшей. Но нет, Алиса пошла до конца. Тут стоит

оговориться и упомянуть, что она никогда не была стеснена в средствах. Её отец был одним из видных политиков в правящей партии власти, так что позволить себе она могла многое, если ни почти все. Что, впрочем, она никогда не афишировала, опять же, из-за врожденной легкости в отношении ко всему. Так получилось и в тот раз, её затея не несла в себе хоть сколько-нибудь циничного оттенка. Все куда проще. Иногда женщинам очень нужно что-то заполучить. Это что-то всегда разное, но оно есть у всех женщин. Я называю это: *точка икс*. Она может появиться где угодно и в какой угодно момент. Это так же может быть, чем угодно. Просто коллективное желание в женской голове вдруг сходится в одной беспорядочно выбранной *точке икс* и все, абсолютно все сознание отныне подчиненно мыслям об этой «точке». Для Алисы подобное злоключение сошлось на этом равнодушном к ней танцоре.

Её план был таков. Раз ему нравятся простенькие девушки с откровенно глуповатым характером и кукольной фальшивостью, что несложно было считать с окружавших его девушек, то нужно было стать для него именно такой. Как это сделать имея деньги и связи? Для этого нужен музыкальный продюсер, который напишет для тебя самую идиотскую песню из всех, эмоциональная и смысловая составляющая которой будет полностью выражена в неоднократном повторении бессмысленных для взрослого человека звуков «ла-ла-ла» и «ми-ми-ми». Затем нанять клипмейкера, который по-

ставит для тебя самый безвкусный клип, и это при том, что мы тогда, как и сейчас живем и жили при нашем родном шоу-бизнесе. И последнее, но самое важное в данном случае, пригласить для съемок клипа танцевальную команду алисиной точки икс.

Даже не стоит говорить, что клип начинающей звезды эстрады Alizze на песню «Картинки Любви» мы пересматриваем вот уже который год после обязательных трех-четырёх бокалов вина, когда настроение требует активной положительной перезарядки. Но главное не в этом. Главное, насколько точно Алиса, вот уж воистину, попала в точку с этой своей затеей. От её танцора мы не могли избавиться несколько месяцев. Он даже предлагал ей выйти за него замуж, что кстати было ровно двадцатым на тот момент искренним предложением руки сердца для Алисы. Он писал ей письма, узнал расписание занятий в университете и дежурил после окончания каждой пары напротив дверей аудиторий. Он был без ума от неё. А что же она? Она как это часто бывает с «точками икс», заполучила её и успокоилась. Именно успокоилась. Она продолжала с ним встречаться и вполне бы могла сохранить отношения и на более долгий срок, чем один месяц. Но вот его безудержное желание быть с ней всегда и всюду растрепало их отношения. Показательно то, что Алиса не разыгрывала циничную историю с высокомерным разрывом отношений, а сделала все по-человечески. С той же искренностью, с которой она выплясывала перед камерой

в своем идиотском клипе, она решилась разойтись с ним после долгого и непростого разговора. Расставание для неё было всегда сложным переживанием, несмотря на то, что именно она всегда была инициатором этих перемен. Так устроено её отношение к людям, что при видимой беспечности и беззаботности её жизни, её внутренняя зависимость от людей была крайне сильной. И эту зависимость можно назвать чувством долга, как бы пафосно это ни звучало. Она влюблялась и очаровывалась, потому что так она устроена. Ей не нужно слишком многое, чтобы увлечься тем или иным парнем или мужчиной. Перед ней никогда не вырастают сотни заборов из личных комплексов, мешающих другим решиться на искреннюю увлеченность. Так же не было страха или желания отгородить себя от будущих разочарований. Она просто делала шаг вперед, беря ответственность за все будущие сложности. Поэтому, когда её страсть угасала, она чувствовала, что ответственность по-прежнему лежит на ней и расставание становилось для неё особенно тяжелым испытанием.

«Плакать нужно всегда так же, как и смеяться. Открыто и без упреков внутри самой себя. Если мы заслуживаем повод веселиться, то ровно так же мы заслуживаем и боль. Разве не так?» – сказала мне Алиса однажды. В этой мысли вся она и есть. Смелая в своей искренности. Может быть самая смелая из всех, что я знаю.

И вот эта смелость привела нас к открытию собственной лингвистической школы. Конечно, одной смелостью тут

не обошлось и связи отца Алисы сильно помогли, но по сути это было наше с ней творение. Идея открыть подобную школу пришла к нам еще на старших курсах университета. Сегмент лингвистических школ в то время был достаточно обширный, но обучение в них было весьма дорогим. Наша же идея была в создании такой школы, которая была бы доступна почти каждому желающему. Тогда мы еще были в некотором роде идеалистками и верили, что просвещение и образование – это то, за счет чего возродится Россия. Это абсолютная правда, и подобное ощущение долга перед страной было в нас всегда. Не стоит думать, что обеспеченные девочки вроде Алисы подвержены лишь циничному потребительству. Порой достаток и обретаемые с ним возможности накладывают иной отпечаток на личность человека. Отпечаток ответственности. Эту мысль однажды очень хорошо озвучил один из наших преподавателей. Весьма пожилой профессор, который почти каждую лекцию по экономике объяснял нам эту очень мудрую и важную мысль. Общество – это главный источник богатства. Ни политики, эксплуатирующие общество, хотя на деле являющиеся лишь наемными управленцами; ни богачи, наживающие свой капитал за счет общественного труда – никто из них не является непосредственным производителем. Только общество в целом является источником всех денег. И поэтому никто, кто добился высокого положения, не имеет права забывать о том, на чем строится его богатство. И долг каждого – возвращать обществу

часть своего дохода. Через благотворительность, через социальные инициативы или гражданские акции. Это должно быть важно для каждого и понятно каждому. Потому что иначе общество становится больным, а больное общество, неспособно самостоятельно разрешать многие острые проблемы и вынуждено быть зависимо от политиков и алчных богачей. А они всегда запустят руку в наш карман и опустошат его до самого дна. Поэтому лучше отдать часть, чем потерять все.

Эту часть мы и решили отдавать нашим проектом. У Алисы была возможность привлечь значимый капитал благодаря своему отцу. Он составлял половину требуемых для открытия школы денег. Остальную половину мы внесли поровну сами. Я – из скопленных денег за время работы в министерстве, а Алиса после университета исправно трудилась на одну крупную газовую компанию и уже давно обеспечивала себя сама. Мы сняли небольшой офис недалеко от центра. Закупили массу современного оборудования и программ обучения, которые включали в себя невиданные для того времени интерактивные курсы и видео-уроки. Пригласили очень талантливых молодых преподавателей, а также одними из первых в России начали привязывать обучение к носителям языков. Из опыта зарубежных школ, скопировали разнообразную систему скидок и гибкую вариативную систему обучающих программ. По началу это встретило недовольство среди клиентов, потому что так исторически сложилось,

что в России мало кто привык к индивидуальному подходу, и он несколько пугал наших клиентов. Все привыкли к четкому однозначному плану, а выискивать удобный для себя вариант, набирая именно то количество уроков, которое ты можешь себе позволить, было как-то странно. Но уже к середине второго года после открытия мы вышли в ноль и начали выплачивать требуемую сумму из заимствованной половины алисиного отца. Все шло очень хорошо. Мы откровенно кайфовали, работая в нашей лингвистической школе. Две молодые успешные женщины, реализовывающие себя в своем собственном бизнесе и приносящие пользу обществу. Лучшей карьеры сложно было себе представить.

Но работа занимала почти все наше свободное время, так что личная жизнь отошла на второй план. Конечно, были небольшие романы и интрижки, но тогда нам казалось, что серьезные отношения мы сможем себе позволить только после того, как достигнем в нашем деле каких-то более значимых высот. Но затем случилось непредвиденное. Как я уже упоминала, мы с Алисой были слишком разные. И то, что определила для себя я, не совсем подходило ей. Наша дружба настолько ушла в сторону рабочих взаимоотношений, что мы почти перестали говорить друг другу о том, что происходило вне работы. Для меня жизнь за стенами нашей школы была чем-то малозначимым и совсем не определяющим. Но Алиса была другой. Поэтому, когда она посреди рабочего дня отозвала меня в сторону и сказала, что выходит замуж,

для меня это был словно гром среди ясного неба.

Я помню, как я стояла и молча выслушивала о том, что её жених — это сын старого друга отца. Что он очень порядочный и красивый мужчина. Старше Алисы на пять лет. Что он вроде как карьерист и добился определенных высот в крупном бизнесе. Что у них была любовь с первого взгляда и вместе они уже полгода. Что на это лето запланировали свадьбу, потому что Алиса уже на третьем месяце беременности.

В тот момент я поймала себя на мысли, что уже слышала подобные рассказы от других моих подруг, с которыми мы не виделись несколько лет. Жизни многих людей логично подходят к бракам и рождению детей. Но Алиса?

Прокрутив в памяти последние полгода своей жизни, я поняла, что причина по которой я ничего не подозревала была вовсе не в ней, а во мне. Это я с такой увлеченностью отбросила все ради нашей школы, что отстранилась от любой личной жизни. Наверное, она даже говорила мне что-то о нем, но я не придавала этому никакого значения. Какой-то Андрей. Мало ли кто это мог быть? Важно ведь было совсем другое. Работа. Работа. Работа.

Так бывает. Собственная вовлеченность, которая граничит с отреченностью, затмевает все вокруг. Тебе начинает казаться, что мир живет ровно по тем же правилам, что и ты. Потому что если это не так, то есть все эти свадьбы, романы, семьи, разводы и прочее. Все то, от чего ты отказываешься. Поэтому думать об этом нельзя. Нельзя позволять се-

бе видеть что-то еще. Нельзя отвлекаться. У меня получилось ровно так. Алиса разрушила мою защитную реакцию. Я не была готова к переменам. Её мотивы меня не волновали. Все что мне было нужно, чтобы все вернулось на свои прежние места.

Я сорвалась. Обрушила на свою подругу глупые упрёки в предательстве, безразличии к моему мнению, наплевательскому отношению к будущему нашей школы. Это была наша первая настоящая ссора за все годы знакомства. Я саму себя не узнавала. А Алиса, она все выслушала и просто ушла.

Конечно, потом я поняла свою ошибку и извинилась. Мы поговорили и решили как быть с её уходом из школы. Я поняла, что теперь её главная цель – обретение семьи. Она рассказывала о том, как собирается стать матерью. О том, как она хочет начать новую жизнь с Андреем. Она все рассказала и объяснила. Но я так и не смогла это понять и принять. Для меня этот её выбор был моим «не выбором». И это развело наши отношения по разные стороны.

Далее была её свадьба и рождение дочери Софьи. Было что-то еще, но в этом уже больше не было меня. Я не смогла быть рядом. Продолжать бизнес было так же бессмысленно, и мы приняли решения продать его знакомым Андрея, которые были готовы продолжить наше дело. Я закрыла эту главу с той же стремительностью, с которой она началась.

Затем были полгода без работы. Мне казалось, что теперь я один на один со всем миром. И мне это почти нравилось.

Были знакомые и некоторые друзья. Но не было никого, кто смог бы переступить эту невидимую черту вокруг меня. Кого-то, кого я захотела бы подпустить поближе. Я окончательно перестала звонить отцу. Перестала заводить хоть сколько-нибудь серьезные знакомства с мужчинами. Смысла строить что-то основательное не было и именно это стало новым смыслом. Просто существование.

Тогда я увлеклась искусством и архитектурой. Просто от привычки постоянно что-то узнавать, я начала изучать архитектуру и книгой за книгу поглощать новый для меня материал. Увлечение переросло в серьезное самообучение. Почти все время я посвящала только архитектуре и дизайну. Все начало возвращаться к прежней аксиоме «моя жизнь – это только работа». Позже я решилась уехать жить за границу. Через знакомую времен университета мне предложили вакансию в русской школе в Париже, и я согласилась.

Столица Франции помогла мне вернуться к нормальной жизни. Год проведенный в Париже стал легкой терапией для моего внутреннего мира. Я не перестала быть закрытой для других, но хотя бы сумела выстраивать с другими хоть какие-то отношения. Я встречалась с малознакомыми людьми, проводила время в ресторанах. В Париже мне исполнилось двадцать девять. Станный возраст, когда ты ощущаешь, что многие вокруг тебя начинают жить по-другому. Ты уже де-факто не как все. Без семьи, без детей. Да, никто открыто не осуждает, но невозможно укрыться от мыслей об осуж-

дении самой себя. Поэтому учитывая мою перспективу отсутствия семьи на ближайшие годы, мне приходилось постоянно мотивировать свой собственный выбор. Я придумала для себя простую формулу: «я стану счастливой только тогда, когда смогу реализовать себя, а значит нет смысла строить семью пока я несчастна». Конечно, несчастье было относительным, но мое прошлое легко может добавить невозможностей, за которые я остро цеплялась в то время. Смерть матери, жизнь без близких, «предательство» лучшей подруги. Любое на выбор или все сразу вместе, когда особенно хочется послать окружающий мир куда подальше.

Но затем, моя история вновь сделала разворот на сто восемьдесят градусов. Во время одной из поездок в Москву, я случайно встретила в ресторане с одним своим старым знакомым. Русским бизнесменом, который так же работал за границей и был владельцем влиятельного журнала по архитектуре и дизайну. Он собирался открыть представительство в России и набирал штат русскоязычных сотрудников. Узнав о том, что я уже больше года предметно интересуюсь тематикой его издания, он предложил мне работу пишущим журналистом. Я долго не раздумывала. За то время, что я пробыла в Париже, я еще больше убедилась в том, насколько мне интересна и близка архитектура. Так я попала в «ArchD», профессиональное издание по архитектуре и дизайну с полувековой историей.

Как ни странно, но начинать карьеру практически с ну-

ля в возрасте двадцати девяти лет было вовсе не страшно, а скорее наоборот очень интригующе. Это вызов на который стоит решаться, учитывая открытость большинства современных профессий. Запрограммированный советским прошлым выбор карьеры в семнадцать лет во время поступления в ВУЗ больше не является безальтернативным. Он безусловно правильный, но не единственный. И важно понимать это, сколь сильны бы не были пережитки того времени. Сейчас доступность образования даже в нашей стране находится на довольно высоком уровне, а профессиональный рост давно заложен в рабочий опыт. Конечно, есть и обратная сторона медали, в лице тех двадцатипятилетних главных менеджеров и главных редакторов, которые слишком рано забрались на вершины карьерной лестницы и еще не способны справляться в такими важными должностями. Но все же по большей части, почти в любой современной профессии можно добиться многого. К тому же выбор в тридцать лет, это не тоже самое, что выбор в двадцать лет. Тут ты взрослей, опытней. Лучше понимаешь себя и то, чем именно ты хочешь заниматься. Не ванильным «у меня все получится», а стойким «я хочу этого и добьюсь».

Решившись остаться в Москве, я подыскала себе уютную съемную квартирку недалеко от офиса. Длительное пребывание за границей наложило отпечаток на мою новую жизнь в столице. Нет, эта жизнь не показалась мне ужасной или резко контрастирующей с жизнью в Париже. Скорее наобо-

рот, я впервые смогла посмотреть на Москву другими глазами. Не замыленным взглядом коренной москвички, для которой Тверская и Арбат – это улицы детства, а взглядом заинтересованного человека, который ищет в Москве что-то новое. Столица преобразилась, и эти изменения требовали оценки.

В Москве я начала сближаться с Алисой. Мы поддерживали отношения и во время моей жизни за границей, но все ограничивалось быстрой перепиской в Интернете или парой звонков по праздникам. Теперь же мы могли позволить себе совместный ланч или небольшие прогулки в парке. Последнее я очень любила, потому как вместе с Алисой всегда была её дочь Софья. Этот маленький ангелок, жадно пожирающий мир крупными алисиными глазами.

Сама Алиса изменилась. Стала более спокойной и можно даже сказать рассудительной. Её заботы теперь были подчинены семье. Выбор нянечки или садика, в котором Софья получит наилучший уход. Перепланировка детской комнаты. Поиск подходящего места для отпуска, устраивающего всех членов семьи. И так далее. Привычная жизнь для большинства молодых семей с маленьким ребенком. Но для меня эта жизнь слишком контрастировала с тем распахнутым наизнанку миром, в котором я привыкла видеть Алису в прошлом.

Этот контраст не давал мне покоя. Я видела в нем непри-

вычную для моей подруги скованность. Она была словно за-
жата в тисках, и по началу я думала, что все дело в наших
с ней взаимоотношениях. Что нам требуется время для того,
чтобы вновь впустить друг друга в наши жизни. Но прохо-
дили месяцы, а напряжение не спадало. И тогда я начала по-
нимать то, о чем давно подозревала: Алиса далеко не самый
счастливый человек в своем браке. Можно даже было сказать
более грубо – она уже давно отчаянно бьется за то, чтобы
сохранить брак с Андреем. Во время наших встреч, она раз
за разом отводила разговор в сторону, когда речь заходила
непосредственно об их отношениях с мужем. А затем и вовсе
перестала упоминать его. Только общие «семья», «домаш-
ние» и тому подобное. Я чувствовала, что должна спросить
её о том, что происходит, но не решалась до последнего. Этот
брак и мое отношение к нему был той разводной точкой на-
ших с Алисой отношений, и я очень боялась вновь пересту-
пить черту.

Прошло еще несколько месяцев. Мы стали все реже встре-
чаться, а когда это все же случалось, то я чувствовала нара-
стающую напряженность, исходившую от моей подруги. Она
стала совсем непохожей на себя, даже образца семейной раз-
меренной Алисы. Говорила только о Софье и каких-то об-
щих новостях, собранных из заголовков журналов. Никакого
упоминания о планах на будущее. Никаких положительных
эмоций. Просто бледный серый мир, единственным лучом
в котором была её дочь.

Тогда я решилась. Мне было важно, чтобы она просто знала, что я хочу ей помочь. Что я открыта для неё и её проблем. Я не хотела давить на неё, понимая, что у меня нет никакого права вмешиваться в её личную жизнь.

– Просто знай, что я всегда рядом, – сказала я ей, когда мы сидели в кафе. – Я вижу, что с тобой что-то происходит, и ты стараешься держать это в себе. Если когда-нибудь тебе потребуется поддержка – я тот, на кого ты можешь рассчитывать.

Она молча кивнула и спрятала куда-то в сторону свой взгляд. Возможно, для того, чтобы сдержать слезы, возможно, чтобы просто пережить эту эмоцию где-то внутри себя. Но на этом все и закончилось.

Мы не возвращались к этому разговору еще несколько недель. А затем в один из вечеров, когда я привычно для своих московских будней, вернулась с работы и, сев на диван с бокалом вина и кипой литературы по архитектуре, погрузилась в работу, мой телефон трижды пропрыгал по стеклянной столешнице журнального столика. На экране была фотография моей подруги, обнимающей свою маленькую дочь.

– Можно я приеду? – вместо приветствия произнесла Алиса.

– Конечно. Что-то случилось? – спросила я, различив в её голосе тревогу.

– Я ухожу от Андрея, – словно выстрелив из дула пистолета ответила она.

Я машинально отодвинулась от спинки дивана и поставив бокал на стол, вжалась ногами в пол, словно я была готова тут же сорваться с места при первой необходимости.

– Навсегда, – сорвавшись на плач добавила Алиса.

– Может мне приехать за тобой?

– Нет. Я уже вызвала такси. Ты точно не против? Я одна. Соня сейчас у родителей.

– Приезжай, – ответила я строгим голосом, который был скорее нужен мне самой, чтобы сдержать эмоции.

– Спасибо, – тихо закончила разговор Алиса.

Я положила на стол телефон и минуту сидела в полном оцепенении. Одно дело чувствовать, что брак твоей подруги переживает сложные времена и даже где-то понимать причины всего этого, но совсем другое, когда ты слышишь, что он возможно уже закончен. Одно дело говорить о том, что ты готова помочь и совсем другое пытаться найти в голове ответы на сотню вопросов, бомбардирующих твой мозг перед тем, как в твоей входной двери появится подруга, нуждающаяся в ответах.

Я сильно сжала кулаки, стараясь утихомирить бурю эмоций и перебивающие друг друга мысли. Мне нужно было отвлечься. Увидеть проблему целиком, а не сбить все в один комок переживаний за свою подругу. Я взяла бокал со стола и сделала большой глоток.

«Сейчас всем нам нужна спокойная рассудительна Ольга. Она справится. Она должна с этим справиться» – произнес-

ла я шепотом. Подойдя к окну, я увидела, как ранний апрельский закат начинает сгущать свои темные краски. Я села на подоконник, сложив ноги крестом и облокотив голову на откос, закрыла глаза.

Глава II

Современный брак в России крайне непрост. Он зиждется на двух китах. Первый – это нестираемый из памяти опыт наших родителей. Брачный союз двух советских людей, который больше походил на пакт военного объединения, с четким распределением обязательств и расстановкой сил. Хороший метраж квартиры с одной стороны и возможность получить хорошее место на заводе с другой. Эта зависимость от обстоятельств и постоянный анализ возможностей сохранились до сих пор. По-прежнему браки строятся на желании поудобней и повыгодней устроить свою первоначальную жизнь в новой семье. Это стремление выглядит странным для современного мира. Рассматривать привлекательность той или иной семьи с позиции количества бытовой техники или даже количества машин весьма глупо. Мир давно заполнен потреблением, и оно все стремительней поглощает все вокруг. Условная «Волга» из СССР, которую покупали на десятилетия уже давно не актуальна. Нельзя заложить потребительскую основу для молодой семьи и надеяться, что её хватит на десятилетия их жизни. Куда важнее развитие. И это второй кит современного брака в России – успешность. Может это покажется странным, что подобное определение звучит с негативным оттенком, но в этом и суть. Успешность превратилась из постоянно движущегося переменчивого пе-

риода жизни в кратковременное явление, которое молодая семья мечтает обрести во чтобы то ни стало. В некотором смысле, сам факт брака является для многих высшей точки успешности. Пышность свадебных торжеств только доказывает это утверждение. Все хотят показать, как они счастливы и какой достаток они имеют в данный момент.

Меня пугает это. Я не раз и не два была на свадьбах своих знакомых из разных слоев общества. И почти все как под копирку олицетворяли собой эту успешную пару на пике своего жизненного потенциала. Новый дом, кредиты или массовые вливания из родительского бюджета, машины и так далее. Картина не требует особых уточнений – она повсеместна. Но что происходит дальше, после свадьбы? Дальше завышенная планка успешности постепенно понижается. Семья обрастает новыми заботами и растратами. Развитие идет по нисходящей, и как следствие приводит к разводу. Никто не хочет видеть в браке сложную и долгую историю развития. Никто не видит успешность, как постоянно повышающийся уровень жизни. Все хотят здесь и сейчас. Все и сразу. Иначе какое это счастье?

Я намеренно убрала из этой мысли фактор взаимоотношений. Я не упоминала любовь, потому что она, к сожалению, уже давно не определяется чувствами. Нет в женихах и невестах любви. Почти всегда нет. Есть это заплесневелое обязательство брака из прошлой эпохи. Есть желание кратковременно улучшить свою жизнь за счет первоначального

потребительского бума нового союза.

Но сейчас уже совсем иное время, хоть и пытается быть похожим на прошлое. Нет больше крепких союзов только потому, что брак позволил съехать от родителей и заполнить в распоряжение новое жилье. Нет счастья на отдельной пятиметровой кухне. Сейчас каждая студенческая пара может при желании позволить себе подобную жизнь в съемной квартире. Никто не обретает ничего на века вперед. Все меняется за два-три года и нужно постоянно меняться самому, чтобы суметь каждый раз подстроиться под новые вызовы. Но так мало тех, кто к этому готов. А ведь суть отношений именно в этом. Даже тривиальная «и в радости, и в горе...» – про это. Про то, что любовь – это путь, а не высшая точка. Про то, что брак – это желание совместного пути, каким бы он не был, а не растягивание масочной успешности. Я бы поверила в любовь на современных свадьбах, если бы новые семьи не рассыпались на щепки, как только проблемы начинают хоть как-то просматриваться на горизонте, уводя кланующихся в вечной любви от изначальной беспечности.

Но выходит именно так. Браки рушатся, потому что к ним не готовы. Путь семейной жизни оказывается не такой радостный, как путь свадебного кортежа. Ресурсы брака нужно постоянно пополнять, иначе он иссякнет. Но ведь так хочется верить, что все уже случилось и дальше будет только беззаботное счастье.

В него верят большинство современных людей. Мир во-

круг полон этого счастья. Вся махина маркетингового обмана создана на заблуждении людей о собственном счастье. Нас убеждают, что счастье – это обладание той или иной вещью. Просмотр того или иного фильма. Покупка дома, мебели. Мы, современные люди, полны этого сборного счастья. Новая машина, ужин в ресторане, отдых за границей. Это про каждого из нас. Но это счастье фрагментарно. За одной самой лучшей машиной следует совершенно другая. За одним модным рестораном второй. И так до бесконечности. Мы даже не успеваем остановиться и подумать о том, действительно ли я так счастлив от всего этого, как уже сменяем старое на новое.

Отношения растворяются в подобной среде. Любовь впадает в зависимость от продиктованного образа жизни. Она теряет свою главную значимость – интимность взаимоотношений двух людей. Сейчас любовь это некий совместный лайфстайл²: когда общий образ жизни подгоняется под требуемые желания. Никто не влюбляется в тех, кто не соответствует личной корзине потребления. Два похода в кино в неделю, три ужина в модном ресторане и ежесезонный шоппинг с полной сменой гардероба. Еще отдых где-нибудь в Альпах или на берегу Тирренского моря. Можно подставлять любые переменные. Вместо модного ресторана – Макдональдс, а в место Неаполя – Анталию. Суть не меняется. Главное, что если ты не можешь себе это позволить, значит

² Стиль жизни.

не выйдет и отношений. Не важно, мужчина ты или женщина. Современные успешные мужчины давно проходят мимо простушек, не посещающих модные места и не одевающихся в новую коллекцию Chloe. Классовость потребительского уровня налицо. Причем именно в нашем российском обществе. Ведь для нас так важно, что мы носим, где едим и куда ездим отдыхать. Мы строим себя исходя из этого. Жирный чек в модном бутике, как апофеоз успешной жизни. Её главный знаменатель. Мы стремимся показать свою состоятельность через дорогостоящие атрибуты успешной жизни. Но это лишь атрибуты. И они бессмысленны без основы. Без фундамента личности, базовые ценности которого всегда были в достоинстве и доброте.

Я отвлеклась от своего размышления, поняв, что оно зашло слишком глубоко в дебри субъективизма, который никак не мог помочь мне разрешить главную проблему. Алиса не вступала в брак, она была на грани развода. Я подлила себе в стакан еще вина, неожиданно обнаружив, что бутылка подошла к концу. Сделав глоток, я отошла от окна и села на диван. Для меня было крайне сложно подступить к теме алисиного брака. Все эти годы я старалась оградить себя от этих мыслей. Я боялась выводов и понимала, что не имею права произносить их вслух. Но теперь у меня не было иного выбора.

Больше всего меня раздражали беспочвенные богачи. А это добрая половина всех тех, кто имеет деньги в нашем

обществе. Одним из таких был Андрей, муж Алисы. «Топ-менеджеры по знакомству» – так однажды охарактеризовал целый слой высшего менеджмента российских компаний один мой друг. Андрей был безусловно одним из них. Две крупные компании, в которых он занимал высокие должности были компаниями-партнерами холдинга его отца. Да, он получил хорошее экономическое образование в престижном университете, но это ровным счетом ни о чем не говорило. Менталитет российского высшего класса слишком нетребователен к своему статусу. Как и во многих других сферах сам факт обладания деньгами играет определяющую роль. Быть на вершине не означает быть у всех на виду и служить примером, чувствовать ответственность и мудро распоряжаться своим влиянием. Быть на вершине означает быть выше других, со всем вытекающим из этого безразличием и пренебрежением.

Карьера была для таких как Андрей лишь времяпровождением, не более. Для них было непонятно почему деньги, которые они получают в любом случае, нужно еще зачем-то отрабатывать. Хотя назвать карьерой и уж тем более работой те постоянные встречи, на которых все сделки и отчеты за них подготавливал штат младших сотрудников, можно было с трудом. Но если ты не обременён работой, то значит у тебя есть какая-то иная страсть. Это нормально и многие живут подобной жизнью. Работа, как источник дохода. А главный смысл вне её поля. Для Андрея же главным смыс-

лом жизни было демонстрировать всем свою жизнь.

Он жил напоказ. Дорогие машины менялись одна на другую, как только новая покупка переставала производить требуемый эффект на окружение. Любые поездки за границу были непременно в больших компаниях, чтобы как можно больше людей видело то, какой образ жизни Андрей мог себе позволить. По сути сама Алиса, её амбиции и внешность, стали дорогостоящим счетом, который мог себе позволить Андрей.

Я рано поняла, что все происходит именно так. Еще до нашего примирения с Алисой, через социальные сети, я легко уловила всю суть их брака. Сейчас ведь жизнь почти каждого легко считывается через ленты в Instagram и Фейсбук. Как я узнала потом, Алиса поняла все это почти сразу после замужества. Факт брака и рождения ребенка, словно нажал в Андрее невидимый переключатель. Цель достигнута, теперь можно пожить для себя.

Уйти сразу было для неё невозможным. Алиса не тот человек, который способен предать. Для неё проблемы в семье были прежде всего её личными проблемами. И она боролась за этот брак сколько могла. Для начала, выбрав тактику маленьких побед, она решила попытаться изменить хоть что-то в Андрее. Убеждала его реже менять машины. Чаще проводить время с семьей. Более требовательно относиться к себе на работе. Но в ответ, как это часто бывает с подобными людьми, которые сложились такими изначально, все это

встретило лишь агрессию. Андрей не понимал, почему ему стоит менять свой образ жизни. Для него именно его мир был центром, в Алиса была в нем лишь гостем.

Реагировал он жестко. Уезжал на месяц за границу и менял номер телефона. Ссоры становились постоянными. О воспитании ребенка не шло и речи. Алиса оставалась одна все чаще. Ей не к кому было обратиться за помощью. Родителям она ничего не говорила, потому что их брак так же трещал по швам, и доставлять им лишние проблемы значит усложнять ситуацию. Еще был старший брат, Олег, но его можно было сразу вычеркнуть из списка понимающих. Он работал в ФСБ и конфликт в семье своей сестры он воспринял бы как личное оскорбление со стороны Андрея. Ей нужна была я, но меня не было. Я жила в Париже или где-то еще. Где угодно, кроме того места, в котором меня не хватало.

Затем к Алисе пришло смирение. Дочь росла, и Алиса поняла, что теперь только она в ответственности за её будущее. Она приняла ситуацию как она есть. Так бывает у женщин, что, когда совсем невозможно терпеть, ты не разрушаешь все и не сжигаешь мосты, гордо захлопывая за прошлым дверь, а молчаливо смиряешься и терпишь, неся за спиной тяжелую ношу невозможности все изменить.

Звонок домофона издал два коротких гудка. Я поставила бокал на стол и направилась к входной двери, сдерживая внутри нарастающее беспокойство.

– Проходи, – сказала я в трубку, увидев на экране стоящую перед дверью Алису в красном платке, покрывающем голову на манер монашеского облачения.

Полбутылки вина, которые не пережили моих размышлений, отправились в мусорный бак. Я взяла штопор и начала открывать еще одну бутылку. Вино и женские переживания – лучшие спутники. Но никогда крепче. Все, что крепче вина, только для веселья. Именно тягучее ватное опьянение вином лучший проводник женского несчастья. Оно не дает тебе перейти черту. Не позволяет забыться и раствориться.

В дверь постучали. Машинальные действия с вином несколько сгладили мою нервозность. Я подошла к двери и спокойно повернула ручку дверного замка.

На пороге стояла Алиса со скомканной от сдерживаемых слез улыбкой.

– Привет. Извини, что так внезапно. Я не знала куда еще...

Я не дала ей закончить, прижав её к себе.

Около минуты мы так и стояли с открытой входной дверью, крепко обняв друг друга.

«Моя сестренка, прости меня»: сказала я про себя, поцеловав её в лоб.

– Проходи. Я сейчас, – сбивчиво произнесла я и, прикрыв лицо, направилась в ванную комнату.

Когда плачет одна – это допустимо. Но нельзя плакать обоим. В ответных слезах есть сочувствие, а сочувствие – это

не помощь. Это способ забыться, не решив проблему.

Я открыла кран с холодной водой и приложила влажные руки к лицу. Холод отрезвлял. Смахнув слезы, я взяла салфетку и поправила под глазами начинающую растекаться тушь.

«Соберись. Ты должна быть сильной» – пробормотала я своему отражению в зеркале.

Вернувшись в гостиную, я застала Алису, сидящую на диване с бокалом в руке и листающую последний номер моего журнала «ArchD».

– Я читала твою колонку про гигантоманию наших российских интерьеров, – начала она с отвлеченной темы, словно пытаясь отдалиться от той причины, по которой она оказалась в моем доме. – Очень точно. Многие мои знакомые так и не могут избавиться от этой привычки и то и дело вставляют в аккуратный интерьер какой-нибудь безразмерный камин с золотыми часами или тяжелый комод, который больше похож на шубохранилище.

Алиса имела ввиду мою авторскую колонку, которую я веду в разделе «Мнения». Что-то вроде узкопрофильного блога на страницах журнала. Мы запустили этот раздел всего три выпуска тому назад, но, судя по отзывам, он был весьма востребован.

Алиса сделала глоток вина и улыбнулась мне.

– Ты очень хорошо видишь этот мир, – продолжила она. – Знаешь, иногда кажется, что тебе просто это дано свыше. Все

отвлекаются на всякие мелочи и растрачиваются на проблемы, которых можно избежать. А ты просто все это не замечаешь. Твой мудрый внутренний фильтр не пропускает глупости. Я тебе завидую.

Я села напротив неё на другой угол дивана, поджав под себя правую ногу.

– Мне уютно с тобой. Здесь в этом доме, – она повернула голову и охватила взглядом всю комнату. – Эти картины, пластинки. Милые фигурки животных, которые ты начала собирать еще в университете. Я даже помню первого льва из этой коллекции. Ты купила его в Сан-Франциско, когда мы вместе поехали туда на стажировку. Каждая новая страна – новый зверек. Я тогда убеждала тебя, что Америка – это белоголовый орел. А ты сказала: «Нет, Алиса. Америка – это старый лев, который все еще надеется, что прайд ему подвластен».

Алиса замолчала, прикусив нижнюю губу. За последние годы это были первые озвученные вслух воспоминания из нашего общего прошлого. Мы сторонились их, не понимая, в какой роли мы теперь друг для друга.

– Я тоже помню все, что было между нами, – ответила я. – Это как главная драгоценность в моей жизни. У меня ведь нет никого кроме тебе. Нет семьи, ни прошлой, ни настоящей.

Эти откровенные слова сорвались с моих губ сами собой. Я никогда не признавалась в этом, но всегда понимала, что

все именно так. Алиса – это единственный человек, который прошел со мной такой длинный путь.

– Порой мне кажется, что у меня тоже, – с нескрываемыми более слезами моя подруга пододвинулась ко мне и, обняв, уткнулась в мое плечо.

Все-таки близость и родственность не означают неразлучность. Чем ближе мы друг к другу, чем более открыты перед другими, тем сложнее. Глубокие раны остаются только от тех, кто смог подобраться так близко, чтобы суметь их нанести. Это закон жизни. Но и её главная надежда. Ведь чтобы не происходило, всегда есть шанс, что однажды нас вот так обнимет близкий человек, и тепло наполнит нашу душу.

– Я не знаю, что дальше делать, – борясь с надрывом прошептала Алиса. – Понимаю, что не вернусь. Но как дальше? Как будет с Соней? С родителями? Я их всех подвела.

Мне нужно было что-то ответить, но что можно ответить на это? Причинять боль другим тяжелей, чем испытывать её самому. Это всечеловеческий закон. И нет тут никаких противоречий. Все зло в этом мире не от желания мстить и разрушать, а от попытки укрыть свою душу от этой боли. Нет зла, не желающего раскаяться. Есть зло творящее еще большее зло, чтобы укрыться от невозможности раскаянья.

Алиса же была полна доброты. Её губила вероятность причинить боль своим близким. Отец, мать, её дочь – они не виноваты в том, что Алиса не смогла изменить Андрея. Так она считала. Она даже не могла ни в чем винить его са-

мого. Он был ровно такой, какой он есть. Это её ошибка, что она позволила своей судьбе встать на одну ступеньку с его.

– Моя бабушка говорила мне, что чувствовать себя виноватой – это очень хорошо, – спокойным тоном начала я. – «Виноватая – значит добрая». Она твердила это каждый раз, когда я делала, что-то не так. Меня раздражал этот подход. Я хотела наказаний, упреков, споров. Но она была непреклонной. «Виноватая – значит добрая» и все. Только потом я поняла, в чем был смысл этой простой житейской мудрости. Нет никакого толка в наказаниях и упреках. Тем более нет смысла в споре. От этого всего можно защититься. Доказать свою правоту или просто соврать себе и другим, что ты изменишься, но на деле в следующий раз поступить ровно так же. Другое дело, когда мы начинаем понимать про себя, что совершили ошибку или натворили глупостей. Винить себя в этом. Это порой разъедает нас изнутри и с этим тяжело жить, но вся суть именно в этом. В том, что пока мы чувствуем это – мы боремся. А быть добрым – это значит бороться.

– Быть добрым – значит страдать. Скорее получается именно так.

– Мне кажется, страдают все одинаково. Просто у каждого свои способы уйти от страданий. Кто-то ввязывается в беззаботную жизнь, кто-то принимает все на себя.

- Как бы мне сейчас хотелось быть из первой категории.
- Всем бы хотелось. И тем, кто из второй особенно.
- Иногда хочется верить, что мы это заслужили. Отки-

нуться на спинку с бокалом и отпустить все проблемы. Пусть их решает кто-то другой. Тот, за кого я решала их годы до этого.

– Но ведь так не выйдет, – строго произнесла я.

– Нет, – опустив взгляд, ответила Алиса. – Знаешь, что он мне сказал?

Я отрицательно покачала головой.

– Твоя жизнь без меня станет полным дерьмом. И раз ты считаешь, что ты его достойна, то тебе лучше не находиться рядом со мной.

– Он хоть иногда перестает быть самовлюбленным идиотом? – не выдержала я.

– Ты знаешь, да. Порой он абсолютно нормальный. Он неплохой отец и вполне заботливый муж. Просто он не ощущает этого противоречия. Для него как-то очевидно совмещать эту нормальную жизнь с его тусовками, растратами и прочим. Когда он уехал на месяц и не позвонил ни разу, знаешь, что он сказал по возвращению домой? «Это был мой заслуженный отпуск от тебя и всего, что с тобой связано». И он действительно так считает. Что раз он иногда бывает хорошим мужем, значит ему вполне позволительно все остальное.

– Я скажу может резко, но думаю справедливо. Алис, он не изменится и всегда будет таким. Ты попробовала принять это. Попробовала подстроиться. Но у тебя не вышло. И в этом нет твоей вины. Ты отдала этому браку ровно столь-

ко, сколько ты можешь. Продолжать будет ошибкой.

– Я все это понимаю. Но что дальше? Ты ведь знаешь про родителей. Они общаются через своих ассистентов уже полгода. Мама похоже нашла себе какого-то там мальчишку. Отец тоже непонятно как живет. А Соня? Она ведь привязана к Андрею. Для неё мы идеальная семья с её рисунков. Как это разрушить?

– Ты ничего не рушишь. Разрушить – это про мою историю. Проснуться утром и остаться без матери. У Сони же есть ты. И ты нужна ей не в качестве загнанной неудачным браком женщины, а в качестве той, которая смогла это пережить. Стать со временем счастливой и сделать счастливой её жизнь. Соня тоже однажды станет взрослой и ей жить в таком же сложном мире, что и нам с тобой. Поверь мне, родители редко думают об этом. Они считают, что нужно только ограждать детей от сложностей жизни, вместо того, чтобы показывать им открыто, как с ними справляться. А это куда важней и ценней.

Алиса задумалась. Было видно, как она впитывает каждое произнесенное мной слово.

– А родители? – продолжила я. – Ты не в ответе за них. Они взрослые люди и все причины их проблем в них самих, а не в тебе. Твой развод поставит перед ними определенные вызовы. Как они к ним отнесутся – это их ответственность.

Мысли сложились в моей голове сами собой. Неожиданно для самой себя, словно под действием какой-то эйфории я

смогла уложить все противоречия в стройный поток мыслей. Это явно подействовало на Алису. Её лицо переменилось.

– Спасибо, что говоришь мне это, – уже спокойным тоном произнесла моя подруга. – Говоришь именно так. Ты мой самый суровый учитель. И всегда им была. Я благодарна судьбе, что встретила тебя. Хотя ты так не понравилась мне по началу. Я подумала: «Вот заносчивая красотка, а ведь еще и умная. Нет такая может быть только настоящей сукой».

– Ты открыла мне глаза на то, почему с десятков другой людей избегали меня после первого знакомства, – сказала я с вернувшейся вновь улыбкой.

– Да. Тебя надо рассмотреть. Точнее надо добиться того, чтобы ты позволила это сделать. Грозная Ольга с ангельским сердцем. Может еще вина? – перешла на совсем светский тон Алиса.

Мы проговорили до поздней ночи. За эти несколько часов мы словно хотели до края насытить друг друга тем временем, что провели врознь. Я рассказала ей все о жизни в Париже. Алиса слушала мои откровения об иностранцах, как будто читала какой-то женский роман. Тихо, отвлекаясь от «чтения» только для того чтобы сделать очередной глоток вина. Ей не хватало этой свободы, которая была у меня. Как её не хватает любой женщине, чей брак очерчивает грубую черту, за которую нельзя перейти безнаказанно. Но и эта зажатость сопровождалась в ней привычной для неё открытостью.

— Я никогда не понимала, что это такое быть с одним мужчиной так долго, — сказала она, когда время уже перевалило за полночь. — У тебя-то хотя бы был опыт с Игорем. Но даже он не идет ни в какое сравнение с супружеской жизнью. Тут другое. Ощущение несвободы, помноженное на обыденность. Так кажется по началу. Но потом понимаешь, что свободу можно обрести и внутри брака. Нужно просто видеть в своем муже чуть больше, чем просто мужа. Приучить себя к этой мысли и жить с ней. Жаль только каждый раз, когда я пыталась увидеть в Андрее что-то кроме отца моей дочери и человека с моей новой фамилией, я видела его с другими женщинами. Но, наверное, это работает с другими. Мужчины куда более разные, чем мы привыкли их видеть.

Мне же больше всего было интересно узнать о Софье. Я долго не могла представить, какой будет Алиса в роли матери. Понятно, что она добрая и заботливая, но ведь это Алиса с её безудержным характером. Оказалось же, что материнство многое меняет. И её безудержность превратилась в участливость. Софья стала для неё тем испытанием с множеством переменных, которое она всегда искала в своей жизни. Дети всегда разные, и с каждым годом заставляют меняться своих родителей. Материнство очень подходило Алисе. Стоило признать, что она не просто любила своего ребенка, а была увлечена всем тем, что происходило с ним.

Наш разговор закончился, так же как заканчиваются все подобные вечера, сопровождаемые одной-двумя бутылка-

ми вина. В какой-то момент, глаза просто отказываются открываться. Остается сделать последнее усилие, добравшись до ванной комнаты и затем без памяти обрушиться на кровать.

На следующее утро я проснулась от звонка будильника. Голова сильно гудела, но душ и чашка крепкого кофе облегчили мое самочувствие. Солнце начало пробиваться сквозь горизонт и через окно кухни наполняло квартиру теплым весенним светом. Алиса тихо спала на диване, несколько не растеряв глубокий сон от моих перемещений. Перед тем как уснуть, я предупредила её, что утром встану рано и отправлюсь на работу, так что ей придется встречать это нелегкое, после такого количества вина, утро в одиночестве. Я не была особо уверена в том, что она точно помнит тот наш разговор, поэтому оставила на кухонном столе записку, где еще раз объяснила ситуацию.

На часах было уже около восьми. В офисе нужно быть ровно в девять. На запланированное на это время редакционное совещание нельзя было ни в коем случае опаздывать. По мимо того, что на нем определялись задания на текущий номер, так еще его должны были лично посетить наши издатели, специально приехавшие для этого из Берлина. Поговаривали, что причиной столь важного визита могло стать то, что возможно этот номер станет последним для нашего главного редактора Татьяны Тимофеевны. Впрочем, лучше расска-

зять обо всем по порядку.

Во-первых, главным событием планерки была всемирная выставка архитектуры и дизайна в Вене, отправиться на которую было большим успехом для любой сотрудницы. На эту поездку претендовали двое: Кристина и Наташа. Обе высококлассные журналистки с большим портфолио потрясающих статей и обзоров. Обе – отличные дизайнеры, работающие на крупные московские агентства. И, наконец, Кристина и Наташа – просто привлекательные незамужние девушки. С этим у нас в редакции вообще был полный порядок. Из пяти пишущих журналисток – все пять, включая меня, были незамужними девушками до или около тридцати. Но главная же пикантность заключалась в том, что представлять нашу редакцию на этом событии будет не только сотрудница журнала, но и владелец всего холдинга «ArchD International» – Алексей Кричевский. Официальные встречи, банкеты, презентации. И все это в компании того, кто по мнению некоторых глянцевого издания, входит в десятку самих завидных женихов России.

Тут стоит оговориться и упомянуть о том, что именно Алексей предложил мне работу в этом журнале. Мы с ним были знакомы довольно давно. Он начинал как финансист в начале двухтысячных и заработал репутацию отличного кризисного менеджера. Поработав в разных структурах, он затем заполучил в свою собственность небольшой банк, после того как смог восстановить его после краха предыду-

щих владельцев. Но банковская система и в целом система бизнеса в России его мало привлекали. Продав все активы, Алексей переехал в Европу, где основал инвестиционную компанию, которая быстро стала набирать обороты. Компания занималась всем, начиная от установки ветряных мельниц в Испании до производства инновационного светового оборудования в Польше. Эти проекты нельзя было назвать крупными, но каждый из них приносил ощутимый доход, так что общая прибыль компании становилась значительной. В последние годы Алексей Кричевский почти полностью посвятил себя издательскому делу, купив несколько ключевых узкопрофильных изданий в Европе. Помимо нашего архитектурно-дизайнерского журнала, он владел французским изданием, специализирующимся на транспорте и логистике, а также ведущим европейским медицинским журналом из Швейцарии.

Наше с ним знакомство произошло на последнем курсе университета в середине двухтысячных, когда он был еще просто высокооплачиваемым экспертом по финансам в одной компании, владельцем которой был наш общий знакомый. Тогда была первая волна моды на корпоративы, и почти каждый уважающий себя директор должен был устроить что-то невообразимое. Та предновогодняя вечеринка на которой мы познакомились была отвратительной. До сих пор, каждую нашу встречу с Алексеем, мы вспоминаем эту безвкусную смесь мексиканских мариачи, явно турецкого про-

исхождения, с дикими амазонками-стриптизершами, увешенными питонами. Безднадежность мероприятия напрямую влияла на количество выпитого нами алкоголя, так что наше знакомство переросло в нечто большее, нежели просто общение. Нет, секса не было. Хотя, если признаться честно, сложись по-иному обстоятельства, то он бы без вариантов был. Но все лучшие места в укромных офисах были заняты, а лифтом к нашему негодованию в тот вечер решили воспользоваться и по прямому назначению. Так что все ограничилось четырьмя этажами вниз и затем еще тремя вверх. Но мы не остались в обиде на ту неудачу, скорее наоборот, она не подпортила наше дальнейшее общение, позволив нам без доли неловкости вспоминать наше знакомство.

Алексей был для меня хорошим другом. Мы переписывались пока он строил свою компанию в Европе, а я трудилась в нашей с Алисой лингвистической школе. Иногда встречались за ланчем, когда он бывал в Москве. Однажды даже провели вместе уикенд в словенских Альпах. Мы с Алисой приехали туда спонтанно, просто поняв, что находится в Москве больше невыносимо и нужна перезарядка. Тогда я зашла на первый попавшийся туристический сайт и кликнула в рекламный баннер словенского горнолыжного курорта. По случайности Алексей проводил встречу с коллегами на том же курорте. Мы объединили наши компании, и очарованные Алисой европейцы со стороны Алексея, предоставили нам с ним полную свободу времяпрепровождения. Это

были хорошие два дня. Много солнца, счастливая Алиса, которая обожала находиться в центре внимания и такие умиротворяющие долгие часы наедине с Алексеем.

Кричевский без сомнения был очень интересным мужчиной. Но он был привлекателен не столько внешне, в этом смысле он скорее типичен: аккуратная подтянутая фигура, красивое, но не без миловидности лицо, темный цвет волос с всегда безупречной стрижкой, добрые, уверенные в себе глаза, но главное не это. Все внешнее хорошо смотрится в дорогом костюме на страницах глянцевого журнала. А вот что там не рассмотреть, так это его отношение к женщинам. С ним чувствуешь себя очень комфортно. Он не давит на тебя своим обаянием, не завоевывает и не пытается подчинить. Он как бы наблюдает за тем, как ты проявляешь себя. Без ограничений и фальшивой лести. Ловя на себе его заинтересованный взгляд и отвечая на него, ты не ощущаешь обязательств в совместно проведенной ночи. Эта самодостаточность подкупает. Ты не его трофей, но всегда можешь им стать, стоит тебе сделать шаг вперед. Он тешит твоё самолюбие, не забирая твою свободу. А это такое редкое в нынешних мужчинах качество.

Пару лет назад, в то время, когда я только перебралась в Париж, Кричевский женился на итальянской телезвезде. Правда, их брак не сложился, и полгода назад они развелись. Я не вдавалась в подробности их размолвки, но судя по таблоидам и слухам, они разошлись полюбовно. Кто

именно был инициатором развода сказать сложно. Одни говорили, что итальянская жена не смогла ужиться с размеренным и рассудительным Алексеем, требуя от него большей открытости их личной жизни для прессы. Другие, что они оба поняли культурную пропасть между ними и слишком большую несовместимость характеров. И вот теперь Кричевский был моим главным боссом. Хотя тут тоже стоит оговориться и сказать, что в отличие от многих владельцев журналов, Алексей никак не влиял на редакционную политику. Для него это был просто бизнес. Но бизнес иной, нежели мы привыкли видеть в нашем российском обществе. Главное в этом бизнесе – репутация. Важно не то, сколько денег приносит твое издание, важно, как оно это делает. Поэтому задача Алексея была в том, чтобы выстроить в издании атмосферу качественного профессионализма, а не самому пытаться вмешиваться в неподвластные для него процессы. Так что наше с ним знакомство никак не влияло на мою карьеру, кроме того первого предложение полтора года назад. Но и тогда я начала все с нуля, заняв должность ассистента и только через несколько месяцев, с одобрения главного редактора, приступила к самостоятельному написанию заметок.

Совсем другое дело, отношение к Алексею двух наших главных звезд: Кристины и Наташи. То, что они были в него влюблены – это еще полбеды. Все было куда серьезней. Они обе, без доли сомнения, верили, что так или иначе добьют-

ся своего и станут частью его жизни. Как только они узнали о его разводе, каждая словно обрела новый смысл в жизни. Я не буду говорить про увеличенное в разы количество часов в спортзале и визитов в косметические салоны. Про курсы немецкого, который нужно знать, чтобы жить вместе с Алексеем в Берлине. Про платья, которые скорее подходили для красной дорожки Оскара, нежели для совещания, на которое приезжал Алексей. Нет, это все очевидно для любой влюбленной девушки. Тут же маниакальность их цели достигала такого серьезного предела, что они в открытую помогали друг другу. Они не были соперницами – они были компаньонами. Делились информацией о его перемещениях по Европе. О любимых ресторанах, блюдах, концертах. Наблюдать за этим было крайне занимательно. Взрослые девушки вместо того, чтобы выстраивать свои отношения на том, что есть, а было у них немало и поклонников, и реальных кандидатов, словно фанатки какой-то рок-звезды или актера мечтали только о Кричевском. В редакции мы подшучивали что, наверное, у каждой из них дома есть особая стена, на которой, как в иностранных фильмах, кнопками прикреплены фотографии Алексея с записками, картами перемещений и прочей информацией.

И вот сегодня для них был звездный час. Кто-то из них поедет вместе с Алексеем в Вену на всемирную выставку архитектуры и дизайна. Несколько дней бок о бок с незамужним Кричевским. Шансы на успех были высоки, как никогда.

Но, стоило это признать, они не были равны. Наташа была в более предпочтительном положении, поскольку Кристина в прошлом году уже посещала подобное мероприятие, правда в гордом одиночестве. К тому же её заметки оттуда были достаточно холодно оценены главным редактором. Поэтому все козыри были на руках у Наташи, которая всю прошлую неделю обхаживала Татьяну Тимофеевну, чтобы та окончательно склонила чашу весов на её сторону.

Что касается Татьяны Тимофеевны и её предполагаемого ухода из нашей редакции, то это событие скорее радостное, чем печальное. Никто её не собирался увольнять. То есть фактически она, скорее всего, покидала московский офис «ArchD», но покидала его, чтобы пойти на повышение и занять пост главного редактора всего холдинга «ArchD International».

Татьяна Тимофеевна была уникальной. Ей было глубоко за пятьдесят, но внешность нисколько не выдавала этот возраст. Красивая, пусть и чуть полная фигура, аккуратная короткая стрижка, которая подчеркивала её тонкие правильные черты лица, всегда аккуратный макияж. Долгие годы она работала преподавателем в университете, обучая студентов архитектурного факультета крупного вуза Санкт-Петербурга, уроженкой которого она и была. Наверное, это скажет о ней лучше всего: коренная петербурженка, кандидат наук. Это так приятно, что в России еще остались такие вот понятные всем определения, которые достаточно лишь

произнести, и все остальное станет понятно само собой. Затем она ушла из университета, вслед за мужем, который работал в сфере строительства, переехала в Москву. Здесь она нашла себя в новом деле – узкопрофильной журналистике. В начале она руководила научным изданием по архитектуре, затем была главным редактором серии архитектурных книжных изданий, а потом получила предложение возглавить «ArchD», что было, без доли сомнения, ключевым решением для успеха всего проекта русской версии европейского журнала. И вот теперь ей предстоял новый вызов – возглавить крупный европейский издательский холдинг. Мне было грустно, что она могла покинуть нашу редакцию, но в тоже время, никто более не заслуживал этого повышения нежели она.

Я добралась до офиса за рекордные двадцать пять минут. По какой-то необъяснимой случайности московские дороги в это утро понедельника были лишены всякого намека на пробки. Наша редакция располагалась в большом офисном здании недалеко от Тверского бульвара. Была почти дьявольская ирония в том, что сотрудники архитектурного журнала каждый день были вынуждены заходить в здание с откровенно отталкивающим дизайном. Это был куб неправильной формы, с как бы скошенными гранями, которые выступали из фасада словно лезвия сломанной бритвы. Татьяна Тимофеевна в шутку говорила, что этот офис послан нам в назидание о той миссии, которую мы несем в этот мир. Декон-

структивизм был явно не самым её любимым направлением в современной архитектуре.

Поднявшись на третий этаж, я прошла сразу в зал для переговоров, где к этому времени собралась уже половина редакции. Не было только главных действующих лиц в лице наших издателей и главного редактора, а также наших «конкурсанток»: Наташи и Кристины. Что-то мне подсказывало, у последних была очень уважительная причина для опоздания. Можно было не сомневаться, что до того, как появиться здесь, они обязательно посетят стилиста.

Поздоровавшись с сотрудниками, я заняла место с краю и, открыв сумку, достала небольшое зеркальце, чтобы оценить ущерб столь раннего пробуждения после прошлой ночи. Дома я ограничилась лишь легким макияжем, но он не особо спасал положение. Мое лицо скорее напоминало лицо девушки, вышедшей из фитнес-зала после многочасовой тренировки, нежели лицо сотрудницы, готовой к новой рабочей недели. Я прибрала волосы, постаравшись спустить как можно больше длины моей челки на лоб, чтобы скрыть хоть какую-то часть лица. Убедившись, что в зеркало на меня смотрит самый лучший на данный момент вариант Ольги Воронцовой, я убрала зеркальце в сумку. Но тут же моя короткая удовлетворенность затрещала по швам – в переговорную вошла или, правильней сказать, продефилировала Кристина.

Как бы описать её внешность? Вот если бы Джулия Робертс родилась в Казани, то, наверное, она бы выглядела ров-

но как Кристина. Обворожительная улыбка и интригующий разрез восточных глаз. Выточенная походка, которая аккуратно подчеркивает стройную фигуру, не давая ни повода для упрека в излишней пошлости. Но главное сегодня даже было не это. Главным в ней было платье, которое она посмела выбрать для этой встречи.

Ничто так не играет на грани офисного стиля и коктейльной вечеринки, как платье от Alexander Wang. В него невозможно было не влюбиться. Насыщенный кремово-кофейный цвет верхнего топа с закрытым декольте интригующе обрубался черной короткой юбкой прямо на линии талии. Идеальная грань провокации и стиля. Нет, моя чаша весов сегодня склонялась на сторону Кристины и её платья. Конечно, стоило дождаться Наташу, чтобы вынести окончательный вердикт. Но этому похоже не было суждено случиться.

– Привет, ты знаешь последние новости? – бросила мне сходу Кристина, занимая место рядом со мной.

– Доброе утро. Нет. А что случилось?

– Наташа в больнице. У неё то ли аппендицит, то ли просто что-то с животом. В общем, ты понимаешь... – Кристина игриво подмигнула мне.

Да. Я все понимала. Интриги не будет, а значит совещание теряет всякую привлекательность. Мне дадут задание написать обзор интерьеров московских ресторанов, открывшихся за последние полгода, что, конечно, очень привлекательно, ведь каждый ресторан обслуживает тебя по высшему раз-

ряду, стараясь получить хорошую оценку. Кристину же объявят спутницей Алексея, а Татьяну Тимофеевну будущим главным редактором холдинга «ArchD». Все похлопают в ладоши и разойдутся по своим рабочим местам.

Мысль о том, что весь день до вечера мне предстоит провести в офисе, резко вернуло уныние утреннего похмелья. Кинув взгляд в сторону, я увидела, что Кристина что-то ожесточенно печатает на своем смартфоне. Можно было не сомневаться, что все десятки тысяч её фоловеров в подробностях узнают все обстоятельства её будущей поездки. Иногда я сомневаюсь в будущем нашего мира, после того как проведу пару десятков минут в социальных сетях. Не то чтобы я была против всего этого, но если вдуматься в то, что там происходит, то становится совсем не по себе. Количество и качество комментариев, фотографий, статусов и тому подобного – все это было за гранью моего понимания. Хотя, наверное, кому-то это нужно и кого-то это привлекает. Но лично мне все еще уютно в этом старом мире с реальным общением, эмоциями и настоящими пейзажами. Ведь что такое парижская улица с этих бездушных фотографий с сотнями лайков? Что она без запаха круасанов, доброжелательной улыбки пожилого француза и играющего из открытого окна звука парижского аккордеона. Просто фото? И это стоит обсуждать и тратить на это время?

– Доброе утро, – произнесла вошедшая в зал переговоров главный редактор.

Следом за Татьяной Тимофеевной вошли Жорж Баскье, нынешний главный редактор берлинского «ArchD» и Алексей Кричевский. Он зашел последним, пробежавшись взглядом по всем присутствующим и остановив свой взгляд на нашем с Кристиной углу. Моя соседка вытянулась, как струнка и улыбнулась так, как могут улыбаться только счастливые женщины. Я же поджала нижнюю губу и, достав блокнот, как можно глубже вжалась в свое кресло. Мое состояние начинало заметно ухудшаться. Барабнящий в висках пульс, который я до этого старалась не замечать, становился все агрессивней. Каждая моя попытка сфокусировать свое внимания хоть на чем-то, вызывала головокружение.

– Итак, прежде всего хотелось бы поприветствовать наших гостей. Хотя называть их гостями будет совсем уж высокомерно с нашей стороны, – Татьяна Тимофеевна была явно в приподнятом настроение. – Господин Кричевский, господин Баскье.

Коллега из Берлина широко улыбнулся, а вот Алексей выглядел отрешенным. Он продолжал смотреть в нашу сторону и, казалось, что его взгляд был прикован вовсе не к Кристине. Я машинально поправила волосы, продолжая сомневаться в том, что для окружающих не вполне очевидны подробности моей сегодняшней ночи.

– Начнем с приятного известия, – продолжила главный редактор. – Наш журнал, в лице немецкого издания, номинирован на престижную награду независимой ассоциации ев-

ропейских журналов. Это очень хорошо, потому что подобная награда позволит нам привлечь дополнительное количество подписчиков и откроет массу дверей.

В речи Татьяны Тимофеевны явно читалось, что она уже находится далеко за пределами стен российского издания «ArchD». Дальше речь перешла к Жоржу Баскье, который подтвердил то, что все предполагали и заявил о том, что будет рад передать свой пост в умелые руки такого профессионала, как Татьяна Тимофеевна. Это новость была встречена весьма бурными аплодисментами.

Если представить, что есть какая-то тайная кнопочка ответственная за окончательное включение режима похмелья, то меня бы несколько не удивило, если на ней нарисованы хлопающие в ладоши руки. От резкого шума моя голова закружилась и, стыдно признаться, ко мне подступила дикая тошнота.

– А теперь мне бы хотелось, чтобы господин Кричевский озвучил наши планы на всемирную выставку архитектуры и дизайна в австрийской Вене, которая стартует послезавтра и которую он планирует посетить лично, вместе с одним из наших журналистов.

Господин Кричевский встал, а мечтающая стать госпожой Кричевской нервно заерзала на соседнем стуле. Мне же хотелось только одного – побыстрее выбраться отсюда и начать выдумывать правдоподобную причину взять отгул.

– Я бы хотел присоединиться к поздравлениям, адресо-

ванным Татьяне Тимофеевне, – начал Алексей свою вступительную речь. – Я считаю, что под её руководством наше семейство журналов по архитектуре и дизайну перейдет на новый уровень. Мы обсудили с ней стратегию развития на ближайшие годы, и смею вас заверить – это та еще бомба.

Наверное, смеяться над игривым оборотом начальника всегда фальшиво, но, пожалуй, когда это произносит Алексей, сложно удержаться и не поддаться его очарованию.

Далее он продолжил свою речь и начал описывать все те нововведения, которые новое руководство планирует воплотить в жизнь, а я же, не имея возможности сконцентрироваться на сложных конструкциях этой мини-презентации, решила получше рассмотреть самого Алексея. К тому же это занятие шло явно на пользу моему состоянию.

Я не видела его почти полгода, может даже больше. Со времен его развода все новости о нем были только в виде электронных статей таблоидов. Пару раз мы созванивались, обсуждая какие-то рабочие моменты, но не более.

Он определенно помолодел. Или как любит говорить Алиса о мужчинах его возраста: «обрел в себе молодого мужчину». Это определение – завидный парадокс мужского населения планеты Земля. Стоит им начать стареть, как небольшие усилия над своей внешностью, почти минимальные, на уровне простой ухоженности, тут же делают из них не взрослого малоинтересного мужчину, чья старость уже не за горами, а молодо выглядящего для своих лет человека. Мы жен-

щины слишком сильно приучили всех к тому, что мы всегда выглядим хорошо. И стоит природе начать свою беспроигрышную войну против нашей молодости, как нас тут же начинают списывать со счетов. Но как бы это не было печально, Алексей в свои тридцать пять выглядел куда лучше того зеленоглазого жгучего брюнета из лифта корпоративной вечеринки. Взгляд стал основательным, с интригующей медлительностью. Черты лица приобрели красивый интеллигентный оттенок. Ни для кого не секрет, что именно выражение лица, эта степенная мужская мимика – самое привлекательного для женщин. За этим его взглядом – все. Успешная карьера, опыт, доброта, надежность. Все нужные качества можно прочесть по тому, каким взглядом они смотрят на окружающих. Лично мне не хватает в его взгляде только загадочной дремучести, которая свойственна мужчинам с глубоким внутренним миром.

– Ольга Воронцова, – видимо не в первый раз повторил Алексей. – Ольга!

– Что? Да! – машинально выпалила я.

– Прошу, – произнес издатель и указал рукой на место рядом с собой.

Все встали и начали хлопать в ладоши. А я никак не могла сообразить, что именно произошло, но нужно было срочно уйти подальше от ожесточенных хлопков Кристины возле моего уха. Поэтому я встала и направилась к Алексею.

Есть минуты славы, а есть минуты позора. Но иногда они

переплетаются друг с другом и смешиваются в непонятную гамму эмоций, единственное желание при которых – избавиться от них поскорее. То, что Алексей назвал мое имя и фамилию означало только то, что именно я отправлюсь с ним в Вену. Что само по себе было прекрасно. Вена – мой любимый город, а попробовать свои силы на мероприятии такого масштаба было очень интригующе. Но Кристина? Почему не она?

Я пыталась улыбаться, пока вся редакция смотрела на этот небольшой триумф несправедливости, в то время как мой взгляд был прикован только к платью Alexander Wang. Если кто-то и заслужил эту поездку – то именно оно. Чем дольше на него смотришь, тем прекрасней оно становится.

Так бывает у женщин, что красивые вещи обращаются во вполне одухотворенные предметы. Им сочувствуешь, когда небрежная хозяйка сочла отчего-то разумным надеть на себя пиджак со стильным принтом от Vivienne Westwood и подобрала к нему идиотские шорты из TopShop, которые подчеркивают её якобы длинные ноги. В таком случае хочется закричать: какие еще ноги, когда на тебе пиджак от Westwood? Может ноги Шерлиз Терон и могут поспорничать с ним, но среди нас, рожденных на планете земля, откуда взяться достойным пиджака Вивьен? Или платье от Cacharel расцветки перьев павлина, которое я хранила в своем шкафу просто как произведение искусства, не осмеливаясь надеть на себя. Если дизайнер позволил себе такую

экспрессию в цветах – это не означает, что кому-то стоит продолжать эту линию и навешать на себя салатových платков, бирюзовых украшений и заключить все это леопардовыми босоножками. Иногда хочется, чтобы некоторые вещи продавались только через анкетирование, с обязательным анализом вкуса покупателя. Потому что если представить, какое количество прекрасной работы дизайнеров бездарно служит лишь самодовольству богатеньких покупательниц, то становится грустно.

Ровно так же, как грустно за это платье, на которое я продолжала смотреть, пока Татьяна Тимофеевна что-то там говорила про мои профессиональные качества. Оно не увидит Вену, не услышит её магическое дыхание, сотканное из нот скрипки и фортепиано. Не пройдет по Грабену, где ему самое место. Не посетит Хофбург, резиденцию великих Габсбургов. Ведь если бы Габсбурги дожили до наших дней – нет сомнений, что молодые принцессы носили бы платья от Alexander Wang.

– Может быть, вы хотели бы что-то сказать? Ольга Николаевна? – акцентировано произнесла мое имя и отчество Татьяна Тимофеевна.

– Я рада тому, что редакция поверила в меня, и уже завтра я отправлюсь в Вену? – само собой предложение закончилось вопросительной нотой.

Завтра? Но ведь дома меня ждет Алиса, у которой сейчас, наверное, самый сложный период за всю её жизнь. Нет. По-

ехать я не могла. Однажды я уже отвернулась от Алисы, и что из этого вышло, мне известно. Допустить подобное в этот раз было непозволительным.

Но вместо решительности, которую стоило бы обрести, чтобы ответить отказом и предоставить-таки платью Кристины шанс выпить кофе на площади Ам Хоф, у меня закружилась голова, и я чуть пошатнулась, так что Алексею, стоявшему рядом пришлось подхватить меня за локоть.

От уверенного прикосновения твердой руки, я немного пришла в себя и поднял голову, чтобы посмотреть на своего спасителя. Наверное, это было похоже на избитое клише, в котором хрупкая женщина падает в объятие сильного мужчины и в тот момент, когда их взгляды пересекаются, между ними пробегает искра. Искра действительно была, но искра в одну сторону. Мое учащенное сердцебиение, которое появилось из ниоткуда, было явно безответным. На меня смотрели не влюбленные глаза доблестного принца, а удивленный взгляд моего босса, который был явно обескуражен происходящем.

Но немного рыцарства со стороны Алексея все же было. После секундного замешательства, в которое его ввело мое головокружение или скорее даже мой неадекватный взгляд, обращенный на него, Кричевский попросил у присутствующих прощения и буквально вытолкнул меня из переговорной, тем самым оградив меня от полного фиаско.

– Что сегодня с тобой? – строго спросил он, когда мы за-

шли в кабинет главного редактора. – Ты не выпалась или может тоже больна?

В его голосе все яснее проявлялась раздраженность. Я же напротив обрела как-то спокойствие, словно все произошедшее в ближайшие пять минут не имело никого значения.

– Так что случилось? – требовательно повторил Кричевский.

Всегда, когда вы собираетесь сказать невыигрышную для себя правду, убеждая себя в том, что правда лучше, чем ложь – врите не раздумывая. Лучше собеседник будет сомневаться в сказанном, чем будет уверен в том, что лучше было не произносить.

– Больна. Не сильно, но больна, – сбивчиво ответила я, – Простуда или что-то такое.

Алексей хотел было что-то ответить на мою не самую удачную попытку лжи, хотя в сущности я не врала, и похмелье вполне себе могло сойти за уважительную медицинскую причину, но я не дала ему сделать это, тут же продолжив:

– Я не могу ехать. Ни в Вену, никуда. Нужно лежать дома и болеть, – мой голос звучал какими-то чуждыми мне детскими интонациями.

– Так подожди. В смысле не можешь ехать? – Алексей перешел на другую сторону стола и подошел ко мне. – Только скажи честно. Я вижу, что с тобой что-то происходит. Я никогда не видел тебя такой рассеянной.

Он изучающе посмотрел на меня и, казалось, что все мое

тело и сознание, словно только и ждало этого момента, когда его глаза остановятся на мне. Сердце вновь бешено заколотилось, а колени начали нервно подкашиваться сами собой.

– Если это из-за меня, то мы можем там не пересекаться. Это не проблема. Но решение принято и мне оно кажется самым верным.

Так Кричевский принял это решение? Не хозяйка этого кабинета, а он? Мой мозг начинал свою параллельную с чувствами игру, пытаюсь найти хоть какое-то оправдание моим действиями.

– Я совсем не верю в твою болезнь. Ты, конечно, странная, но может дело не в болезни?

«Конечно, дело не в болезни. И даже не в тебе. Дело в Алисе и еще в твоём чертовом решении в обход главного редактора, которая без сомнений выбрала бы Кристину. Это её поездка» – сделал свой суровый вывод мой разум.

Но я должна была бы носить такие шикарные костюмы от Anderson & Sheppard, как сейчас на Алексее, и пахнуть дорогим мужским парфюмом, если бы была способна прислушаться сейчас именно к своему разуму. Но ни Алиса, ни Кристина меня не волновали. Мне хотелось быть рядом с этим мужчиной столько, сколько он позволит.

– Ольга. Посмотри на меня, – он подошел ко мне вплотную и взял меня за плечи. – Я поймал твоё внимание?

Нужно было сосредоточиться и отговорить его от этой затеи.

– Да, да, – рассеянно произнесла я.

– Послушай. Ты заслуживаешь эту поездку, как никто другой, – он положил руку на мое плечо. – Я верю в тебя и хочу, чтобы ты доказала самой себе, что ты стала большим профессионалом.

От убрал руки с моих плеч. Мне нужно было отойти в сторону, но нога сделала шаг вперед.

– Спасибо. Спасибо за доверие, – произнесла я на расстоянии, граничащем с непозволительным.

Из кабинета главного редактора пришлось выбегать почти спринтерским забегом. Нужна была минута наедине с самой собой. То, что произошло только что, нельзя было списать на утреннее похмелье. Это было что-то неконтролируемое. И безумное.

Вариант для уединения был один – женский туалет. Если бы его кабинки могли рассказать о всех тайнах, которые происходят тут каждый офисный день, то, наверное, они бы смогли выпустить не мало бестселлеров. Ведь это отдельная точка мира. Без всякой пошлости и попыток подвести это место к чему-то низкому. Здесь за деревянной дверцей, скрывающей тебя от всего остального мира, женщина чувствует себя хорошо. Это её личное пространство в рабочее время. Слезы и смех, страсти и желания, неудачный макияж или примерка новой кофточки – все в ней. Тут же разговоры с самой собой. Убеждения себя в том, что статья получит-

ся достойной или что новая прическа все же не так сильно портит твой внешний вид. Что угодно. Все что происходит с тобой за эти восемь часов рабочего времени проецируется в тишину и одиночество этой кабинки.

Сегодня в моей одинокой кабинке размышляли о влюбленности. Для меня есть два типа влюбленности: основательная и мимолетная. Первая – обязательная прелюдия любви, а вторая – минутная слабость, мотивируемая, как правило, внешними обстоятельствами. Эти обстоятельства могут быть алкогольного характера или атмосферного, когда ты поддаешься на общее безумство новогодней шумихи или романтической осени. Мимолетная влюбленность, так же может возникнуть от нехватки близости или же под давлением сильного мужского эго. Но так или иначе, каждый раз можно вполне четко понять для себя, что тот или иной мужчина привлекает тебя по конкретным причинам. Это очень важно в мимолетной влюбленности. Крайне важно. Ведь от этого зависит будущее. Раз новогодняя тоска, значит не стоит обращать на эти особые внимания, она пройдет к середине праздничной недели. Если это бесконтрольная страсть, значит нужно получше рассмотреть мужчину и найти в нем требуемые контраргументы, для того, чтобы удовлетвориться только минутами близости. Мимолетная влюбленность – всегда просто влюбленность. У неё есть причины, начало и конец. Совсем другое дело с основательной влюбленностью – она возникает из ниоткуда. Пазлы сыплются сверху

и сами по себе складываются в нужную картину. Ты понятия не имеешь, почему все это происходит. Нет причин, как нет и ясного понимания последствий.

Эта влюбленность неконтролируема. Она безвозвратно. Она недопустима.

Я вышла из кабинки и открыла кран с холодной водой. Сделав три глубоких вдоха, я, наплевав на макияж, обильно обдала свое лицо водой. Тушь начала растекаться и спускаться вниз по острым скулам, превращая меня в героиню дешевого ужастика. Но внешний вид был совсем не важен для меня. Важно было лишь одно: какая из влюбленностей застигла меня врасплох несколько минут назад?

Дверь открылась, и за моей спиной послышалась уверенная поступь каблуков по плитке пола. Можно было не сомневаться в том, что это могла быть только Кристина. В тот момент мне не хватало именно её.

– Поздравляю, Ольга Николаевна.

Она первый раз назвала меня по имени отчеству.

– Ты заслужила эту поездку. Да еще и в таком сопровождении, – её тон был почти дружеским, что делало его еще более язвительным. – Можешь не уточнять. Я все поняла по этой сцене в переговорной.

Кристина произносила все это за моей спиной, так что я видела только её отражение в зеркале.

– Будьте счастливы, – наконец, произнесла она с нескрываемой злостью.

– Думай, что хочешь, – не сдержавшись ответила я.

– Вот возьми.

Она открыла свою сумку и достала оттуда упаковку влажных салфеток. Затем развернулась и направилась к выходу.

– Вы уже решили, как назовете ребенка? – бросила она выходя из уборной. – А, в прочем, какая теперь разница.

Дверь захлопнулась.

– А, в прочем, какая теперь разница, – повторила я её последние слова, глядя на свое отражение.

Справившись с макияжем, я вернулась на свое рабочее место. Время было еще ранним, но дел было слишком много для одного дня. Нужно было выстроить четкий план и хладнокровно реализовывать его пункт за пунктом.

Первое: Алексей. Нерешаемо.

Второе: сплетни в редакции. Так же нерешаемо, но в данной ситуации это меньшее из того, на что стоит обращать внимание.

Третье: Алиса. Решаемо? Моя подруга остается одна на пороге развода. Так или иначе в ближайшие дни ей предстоит сложный разговор с Андреем, от которого зависело, как будет дальше развиваться ситуация с её уходом из семьи. Не было сомнений в том, что ей потребуется моя помощь, но в это время я буду в Вене, любоваться прекрасными видами Дуная. Значит придется ускорить процесс и самой позвонить Андрею, чтобы попытаться выяснить, как он отреагировал на заявление о разводе. Мысли о заведомо неприят-

ном разговоре с мужем моей подруги слегка подкосили мою решимость, но выбора не было. Так или иначе, вчера я сама предложила Алисе свои услуги в этом вопросе, когда та наотрез отказалась разговаривать с ним, а я убеждала её в том, что проблема не решится пока они оба не начнут вести себя по-взрослому. «Вот ты и поговори с ним. Ты хорошо настраиваешь людей на серьезный лад. С тобой он не отвертится». Тогда, после нескольких бокалов вина, мне казалось, что я смогу убедить самого Люцифера вернуться на небеса с покаянием, но теперь эта затея казалась не такой простой. Впрочем, пасовать было поздно.

Следующим подпунктом в проблемах Алисы был её брат Олег. Я сразу решила для себя, что позвоню ему и расскажу о её проблемах. Именно с ним вместе она должна решать свое будущее, потому что только близкие родные люди могут по-настоящему помочь в такой ситуации. Я это понимала лучше других. Будь в моей жизни такой вариант, быть может все сложилось бы для меня совсем иначе.

Четвертое: Вена. Гардероб, таблетки...

Стоп.

Вена – это не туристическая поездка. Это работа. Нужно будет зайти к Татьяне Тимофеевне и взять все материалы. Кто их подготавливал? Кристина? Хотя нет. Могло получиться так, что их готовила Наташа, и вся эта история со мной закрутилась только после её отказа.

«Хорошая мысль. Пусть будет именно так. Я поехала в Ве-

ну, потому что не смогла поехать Наташа. Все. Запомнить и больше не думать об этом» – приказала я себе.

Мой телефон, лежащий на столе рядом с клавиатурой, завибрировал, а на экране высветилось имя Алисы.

«Не сейчас, моя дорогая. Я еще на совещании» – шепотом произнесла я и сбросила вызов, отправив свою подругу в голосовую почту. Для начала нужно было позвонить Андрею, чтобы сдвинуть с мертвой точки реализацию своего четкого плана.

Включив экран монитора, я зашла в телефонную книжку, где хранились все мои контакты и нашла нужный мне номер офиса мужа моей подруги. На звонок ответила секретарша и сказала, что Андрея не будет до обеда. Что в действительности означало, что он попросил ни с кем его не соединять. Я попыталась выпросить его личный номер, на что получила логичный отказ. Но номер нужно было добыть во чтобы то ни стало и при этом не тревожить Алису, поэтому припомнив вчерашний рассказ подруги о том, что они весь последний месяц пытались найти новую няню для Сони, соврала что я одна из кандидаток.

«Минутку», – тут же ответила секретарша и отключила связь, переведя звонок в режим ожидания.

«Я вас соединяю», – вежливо пропела секретарша, через минуту.

– Да, слушаю, – резко произнес Андрей, своим низким голосом.

Продолжать врать не имело смысла, поэтому я представилась:

– Привет. Это Ольга. Воронцова.

– Ага, понятно. Няня. Что тебе? – в его голосе послышалось явное раздражение.

– Алиса осталась у меня, и я хотела бы...

– Да мне все равно, где она осталась. Пусть там и остается. Ушла, так ушла. Я не держу. У меня тут не проходной двор, чтобы ходить туда-сюда.

– Андрей, подожди, дай мне закончить.

– А что тебе заканчивать? Все там с вами понятно. Другой жизни захотела? На тебя насмотрелась? Раз думает, что может как ты в тридцать лет сидеть без мужика и на что-то там надеяться, – то пожалуйста. Ваше бабское дело. Меня сюда не вмешивайте. Я все понял. Свобода, так свобода. Со мной плохо жилось? Поживет одна – поймет еще.

Не было сомнений в том, что он был сильно пьян.

– Вы ведь как там про себя думаете, – продолжил Андрей. – Уйду от него и заживу. А вот хрен там. Без нас вам нет жизни. Вы от нас зависите. Это мы свободные. А вы... Да, что с вас взять?

Он замолчал, а я не знала, что можно ему ответить.

– Я её не любил по-твоему? – произнес он после паузы уже другим, более спокойным тоном. – Вот ответь.

– Я не знаю. Мне, кажется, любил и любишь до сих пор. Просто любить – этого мало. Нужно еще понимать, что для

неё важно. Что ей нужно.

– А что ей нужно то? У нас все есть. Олигарх ей нужен. Яхты? – вновь вернулся к агрессивному тону Андрей.

– Муж ей нужен и человек.

Я сбросила вызов. Говорить с ним в этом состоянии было бесполезно. К тому же секретарша, думается, слышала уже достаточно. Ведь можно было не сомневаться, что никуда она с этой линии не ушла.

Ладно. К Андрею Алисе возвращаться нельзя ни при каких условиях, особенно сейчас. Алкоголь он сильно не любил и выпивал только для настроения, а тут видимо сорвался по полной. Значит уход Алисы его сильно задел. Нужно обязательно поговорить с Олегом. Но по телефону поговорить не получится, поэтому придется назначить ему встречу.

Какое-то время я сидела, уткнувшись в экран монитора и складывала в голове пазл того, что со мной происходит. Я лезу в чужую жизнь. Всего день назад, я была далека от личных проблем Алисы, я даже с трудом могла назвать её своей подругой, скорее просто знакомой. И вот я звоню её мужу у неё за спиной, а дальше собираюсь встретиться с её братом. Имею ли я на это право? Почему я с таким рвением пытаюсь разрешить её проблемы? Дело ведь не только в поездке в Вену. Дело даже совсем не в ней. Я делаю это потому, что хочу вновь быть той самой Ольгой, которой я была для Алисы до её брака и нашей размолвки. Хочу, как прежде ограждать её от неприятностей и поучать её. Быть «старшей сест-

рой», которая всегда брала на себя ответственность за излишне взбалмошный характер своей подруги.

Телефон опять завибрировал, и вновь это была Алиса. На этот раз я решила взять трубку.

– Алло. Привет. Ты уже проснулась? — попыталась быть непосредственной я.

– Да. Привет. Слушай, мне звонил Андрей.

– И ты не взяла трубку? – в надежде спросила я.

– Я подумала, что это ты. Ведь я тебе звонила. А еще я делала кофе и вообще я плохо сейчас соображаю.

– То есть ты её взяла.

– Ага, – виноватым голосом ответила Алиса. – Он весь в слезах. Говорит, что любит. Чтобы я возвращалась. Что ему плохо.

– Ну плохо это точно, – я не смогла удержаться от сарказма.

– Да. Первый раз его таким видела. Ну то есть слышала.

– И что ты думаешь?

– Я не могу думать. У меня раскалывается голова, и что тут можно думать? Я ведь его тоже люблю.

– Так стоп, – резко оборвала её я. – Давайте только без пьяных примирений.

– Но я уже не пьяна. Может только немного. А откуда ты знаешь, что он пьян?

– Не важно. Ваша проблема не в том, что вы вдруг обнаружили, что вы друг друга любите. Ваша проблема в том, что

вы, любя друг друга все эти годы, ничего не смогли построить. Поэтому никаких резких шагов. Если ваш брак и устоит, то не от того, что вы на следующее же утро поддались тоске.

– Ты права. Хорошо. Я больше не буду брать трубку, если он позвонит. А вечером, когда ты вернешься, мы все еще раз обсудим. Хорошо?

– Да. Я перезвоню тебе, – ответила я и сбросила вызов.

Старшая сестра, так старшая сестра. Отступать было некуда. Нужно найти Олега. Как бы там не сложилось, он все равно бы узнал о проблемах Алисы, и будет лучше, если он узнает о них сейчас, пока все не стало еще хуже. И узнает это от меня. Наши с ним отношения не были идеальными, если у него вообще с кем-то были нормальные отношения, но он не раз говорил, что доверяет мне и знает, что я смогу позаботиться об Алисе. В то время, когда мы с ней перестали общаться, он даже пытался встретиться со мной, чтобы как-то вернуть все в прежнее русло.

Разговор будет не из простых, но это единственный вариант. Я смогу поехать в Вену, а Алиса останется с тем, с кем ей стоит быть, наверное, даже больше, чем со мной – с родным братом.

Его личный номер был у меня в телефонной книжке. Собравшись с мыслями и сделав глубокий вдох, я набрала его номер.

– Алло. Ольга? Привет. Что-то случилось с Алисой? Она не берет трубку.

Именно это пугало в Олеге больше всего. Его навыки агента ФСБ, постоянный контроль и анализ происходящего вокруг, проецировались на всю его жизнь. Рядом с ним ты словно находишься на допросе и каждое твое слово подвергается скрупулёзной оценке.

– Привет. Нет, с Алисой все нормально. Она у меня дома, – я нахмурила лоб, понимая, что не следовало говорить ему это. – То есть, ладно – с ней не все нормально. Но я не могу по телефону. Давай встретимся. У тебя будет свободное время сегодня?

Он не отвечал где-то с полминуты. В это время из кабинета главного редактора вышли Жорж Баскье и Алексей Кричевский, которых провожала до лифта Татьяна Тимофеевна. Мои взгляд хаотично забегал по потолку офиса, чтобы избежать встречи с глазами Алексея. Но похоже этого и не требовалось. Кричевский был полностью увлечен своими спутниками, не обернувшись на рабочую зону ни разу.

– Я все понял, – наконец ответил Олег. – Ты на работе?

– Да, я в редакции.

– Я подъеду через полчаса. Жди звонка.

Я не успела сказать «хорошо», как он сбросил вызов.

Не стоило говорить ему про то, что Алиса у меня дома, еще раз отругала я себя. Не нужно быть заботливым братом и профессиональным агентом ФСБ, чтобы сложить дважды два в этой ситуации. Теперь через полчаса у редакции меня будет ждать не просто обеспокоенный родственник, а чело-

век с определенными выводами в голове.

Между тем, Татьяна Тимофеевна дождалась пока за начальством закроются двери лифта и затем, развернувшись, окинула взглядом рабочие столы своих сотрудников. Поймав взглядом мое место, она жестом подозвала меня, указав на свой кабинет.

– Закрой дверь и садись, – непривычно строго сказала она, когда я оказалась в её кабинете.

Я села на стул напротив её стола.

– Я хорошо тебя знаю, – продолжила главный редактор. – Одно из твоих лучших качеств, как в работе, так и по жизни – это цепкость. Целеустремленность, которой можно только позавидовать. Ты умеешь не растрачиваться по мелочам и быть эмоциональной ровно на столько, насколько это нужно в каждой конкретной ситуации.

Я не в первый раз слышала о себе подобную характеристику и каждый раз внутренне противилась этим определениям, представляя себя каким-то «роботом».

– Но сегодня, я увидела незнакомую мне Ольгу Воронцову. Я не знаю, что за причины выбили тебя из колеи, но выкинь эту суматоху из своей головы. Ты к ней непригодна.

Я смиренно кивнула головой, как школьница перед строгим учителем.

– Если тебя заботит, что именно ты поедешь на выставку, а не кто-то другой, кто по-твоему заслуживает этого больше,

чем ты, — она изучающе посмотрела на меня, словно оценивая, верно ли её предположение. — Так вот, я расскажу тебе одну историю. Полтора года назад в этой редакции появилась красивая девушка, которая очень хотела научиться работе журналиста. Она была увлечена архитектурой и довольно хорошо разбиралась в материале, но ей не хватало опыта. Я решила дать этой девушке самую черновую работу из всех, что только возможны в профессии пишущего журналиста. Около двух месяцев ты собирала для всей редакции материалы, писала массу заметок, большая часть которых уходила «в стол», бегала по всем пресс-релизам и договаривалась об интервью. Ты не пожаловалась ни разу и ни разу не сдалась. А ты не студентка на практике, ты сложившийся профессионал в других сферах. Твое резюме в иных местах стоит больше, чем зарплата главного редактора здесь. Но нет. Ты поставила себе цель и шла к ней, собирая свою новую карьеру по кирпичикам. А теперь обернись и посмотри на редакцию. Кто из них мог поступить так же? Наташа? Она сделала себе имя не здесь. Не в профессиональном издании, а в глянцево-гламурных журналах, где простительно не отличать интерьер от дизайна. И она осталась такой. Хорошим современным журналистом, который может достойно писать об архитектуре и дизайнерских решениях. Но ей ничего не дал этот журнал. Как он не дал почти ничего и Кристине, которую мы не раз отправляли на подобные мероприятия. Ты же стала для меня открытием. Именно твой стиль

подачи материала – то, что нужно нашему изданию. Это сочетание легкости и профессионализма. Без попыток восхитить читателя и полюбоваться самой собой. В твоих текстах нет тебя, а есть дизайнерские решения, удачные и неудачные. У тебя есть отстраненная позиция, во главе которой стоит объект, а не твоя оценка. Поэтому мой выбор не был безосновательным. Он даже не был авансом. На данный момент – ты самый достойный кандидат.

Если честно, то за всю свою жизнь, я не слышала в свой адрес ничего подобного. Я понимала, что я не плохой сотрудник и справляюсь с тем, за что берусь. Не важно была ли это работа в МИДе или частная школа, но я никогда не чувствовала себя лучшей хоть в чем-то.

– Здесь все необходимые материалы по венской выставке. Я готовила их сама, поэтому, если возникнут какие-то вопросы – звони и обращайся. Будь профессионалом, которого я привыкла видеть.

– Спасибо вам.

– Лучший способ выразить мне благодарность – это собраться и сделать свою работу хорошо. Поэтому, на сегодня ты свободна. Готовься к поездке и не забывай о том, что я тебе говорила: сумбур в голове – это не твое.

Я вышла из кабинета Татьяны Тимофеевны. Толстая папка с файлами о венской выставке была в моих руках, и она была для меня словно важный талисман, успокаивающий все вокруг. Я – профессионал и должна прежде всего думать

об этом. Сегодня я получила вызов, к которому так долго стремилась. Нужно взять себя в руки и справиться с ним.

Уже в лифте, собираясь покинуть офис, я осознала для себя весь сумбуз произошедший с Алексеем. Ситуация с Алисой, наше сближение и её проблемы с Андреем, приоткрыли во мне дверь в тот мир, который мне не был свойственен. Я всегда умела ограждать себя от переживаний. Контролировать свои эмоции. Нужно держаться именно этого и выкинуть все лишнее из головы.

Выходя из лифта, я почувствовала, как вибрирует телефон в кармане пиджака. Переложив папку в другую руку, я достала его и ответила на звонок. Это был Олег, сообщивший, что уже ждет меня в своей машине на парковке возле офиса. Я ответила ему, что уже выхожу, но сама направились не к раздвижным дверям выхода из здания, а в сторону зоны отдыха, стилизованную под японский сад. Положив свою сумку и папку на скамейку, я подняла глаза вверх и сделал несколько глубоких вдохов.

Все что требовалось сказать Олегу, могло уместиться в одну простую фразу: «твоей сестре нужна твоя поддержка». Но с последним словом было непросто. Поддержка в глазах Олега могла превратиться в давление на Андрея. Это было не сложно предсказать. Все, с кем Алиса заводила более-менее серьезные отношения, всегда проходили тщательную проверку у Олега. Не физическую конечно, но по своим каналам Олег знал о мужчинах своей сестры почти все.

И как только подворачивался удобный случай, тут же выкладывал Алисе всю подноготную того или иного её избранника. Какие-то внебрачные дети, странные счета или даже банальное употребление легких наркотиков. Все это в глазах Олега «влияло на их семью». Андрей же, со вчерашних слов Алисы, сразу попал в немилость к её брату. Для него он был безответственным ребенком, который живет только за счет денег своего отца и никогда не сможет послужить достойным примером для их общего с Алисой ребенка. В этом он был безусловно прав, но сейчас было важно, чтобы эту правду сначала приняла для себя Алиса. Об этом мне и хотелось ему сказать. Попытаться убедить быть более терпимым и не делать резких выводов.

Но как оказалось, этого и не потребовалось. Олег, конечно же, понял в чем причина нашей встречи. Понял про проблемы Алисы и Андрея. А главное осознал, как именно ему стоит вести себя в этой ситуации.

– Почему не сразу ко мне? – спросил он вместо приветствия, когда я села к нему в машину. – Она так боится моей реакции?

Мне ничего не оставалось, кроме как утвердительно кивнуть.

– Я понимаю, что порой бываю слишком предвзят. Но ведь она моя младшая сестренка. Я люблю её и должен защищать.

Признаюсь, было довольно странно, слышать эти слова

от такого как Олег. Как и все в их семье, он был крайне высок и ко всему тому же атлетично сложен. Русский цвет коротких волос нисколько не портил эффект брутальной внешности. Единственное, что могло отличить его от героев боевиков, так это весьма интеллигентная манера общения.

– Наверное, забота тоже имеет свои границы, – решила сказать ему правду я.

– Я не вмешивался в их брак ни разу, хотя знал о нем многое из того, что Алиса никогда бы не захотела слышать.

– И оставь это при себе. Тут дело не в правде. По крайней мере не сейчас. Нельзя позволить этой ситуации раздавить Алису. Ведь есть еще Софья и ради неё нужно молчать.

– А что даст это молчание? Она проживет пару недель у меня, а потом вернется с Софьей к этому подонку.

– Не называй его так. Не при Алисе и тем более не при Соне. Он отец твоей племянницы и пока еще муж твоей сестры. Не важно, что он сделал. Вы достойные люди и достойная семья, злость и вражда не выход. Нужно выстроить нормальные отношения, в которых главным будет будущее для Алисы и Сони.

Не знаю, действовали эти слова на него или нет, но он не стал больше спорить. Спросил только дома ли сейчас Алиса и узнав, что мне больше не нужно возвращаться на работу решил поехать вместе со мной и поговорить с сестрой.

Пока мы ехали до моей квартиры Олег, неожиданно, рассказал мне о том, что месяц назад расстался со своей девуш-

кой Леной. Они были вместе больше полугода, строили совместные планы на будущее, но она вдруг просто ушла. Сказала, что хочет другой жизни.

– Все было хорошо. Отлично. Лучшие отношения, что у меня были, – продолжил свои внезапные откровения Олег. – И все закончилось в один день. Она просто собрала вещи и ушла.

– А ты спросил её почему? Что это за другая жизнь? Жизнь с другим?

– Нет, она ни с кем больше не встречается. Я проверял. Она другая, – он произнес это с какой-то особой нежностью. – Работает учительницей по географии в одной московской школе. Занимается благотворительностью. Серьезно. Каждые выходные ездит в разные хосписы и больницы, чтобы ухаживать за нуждающимися.

– Похожа на золушку.

– Так и есть. Она особенная.

– Так что тогда? Раз это не кто-то другой...

– Другая жизнь – это семья. Полноценная семья, а не то, что я могу дать со своей работой и своим характером. Со мной хотят быть только длинноногие девочки, которым от меня нужны мой счет в банке и мои связи. Для них я герой и предмет обожания. Меня постоянно нет – а они именно этого и хотят.

– А что хочешь ты? – спросил я его.

– Бросить работу и жениться на Лене.

– И что мешает?

– Я не знаю какой я без этой работы. На что способен и что могу, – совсем непривычно растерянно произнес Олег.

Для меня было открытием, что он может быть настолько откровенным. Мне всегда казалось, что железный панцирь давно заменил ему его кожу.

– Я просто скажу это, а ты делай с этим что хочешь. Но девушка, которые каждые выходные выхаживает безнадежно больных, справится с таким способным мужчиной как ты. Вопрос в том, сможешь ли ты довериться ей.

Больше мы ни о чем не говорили. Каждый остался среди своих мыслей. Олег видимо взвешивал мои слова, а я мысленно перенеслась в Вену. Это был особый город для меня и завтрашнее свидание с ним будоражило меня.

Приехав ко мне и войдя в квартиру, мы увидели, что Алиса тихо лежит на диване, накрывшись пледом. Она спала. Я шепнула Олегу, что спущусь на улицу и выпью чашку кофе в кофейне неподалеку. Он кивнул и прошел в комнату. Уходя и закрывая за собой дверь, я увидела, как он сел на кресло возле дивана и, не решаясь разбудить Алису, взял её руку и положил себе на колени.

Глава III

Те несколько минут, пока самолет выезжает на взлетно-посадочную полосу, а его двигатели еще не начинают свирепо реветь, вжимая мое тело в кресло, я бесконечно ненавижу технический прогресс. Кто придумал заполнить круглую железную конструкцию рядами ни в чем не повинных людей, приделать к ней несколько крыльев и огромные устрашающие моторы, а затем еще пытаться на этом чудище преодолевать один из основных законов физики? Понятно, что люди мечтали летать со времен Икара и Дедала. Но и пусть. Никто не против индивидуальных дельтапланов в стиле Леонардо да Винчи и опередивших его на пять столетий испанских мавров. Все это – пожалуйста. Мир полон безумных самоубийц. Но зачем вовлекать в это других людей? Построили бы себе маленький самолетик и кружили на нем вокруг земли, сколько вам захочется. Братья Райт же не затаскивали к себе толпу людей. Почему тогда мы, добровольно, да еще и за большие деньги, играем в эту рулетку, где на кону стоит наша собственная жизнь?

Чудище раскрыло свою пасть и взревело. Самолет стремительно набирал скорость, а моя правая рука что есть сил вжалась в ручку кресла. Слева от меня сидел молодой парень, который отрешенно расстреливал какие-то космические корабли на экране своего телефона.

«Мне бы твой фатализм. Или хотя бы глоток джина»: подумала я.

Наверное, все дело было именно в этом. В отсутствии хоть какого-то количества алкоголя в моей крови. Все перелеты для меня делились на две категории: с джином и без. В паре маленьких бутылочек с острым можжевеловым привкусом содержалось достаточно магического зелья, чтобы сделать меня бесстрашной фаталисткой. Единственное, что было неизменно в обоих случаях – это играющая при взлете и посадке Эдит Пиаф в наушниках моего плеера. Padam... Padam... Padam... Перестуком деревянного сердца и голосом, слыша который, стыдно бояться смерти.

Самолет оторвался от земли. *Faut garder du chagrin pour après...*³

Нос задрался высоко вверх, и земля в иллюминаторе начала стремительно отдаляться. *J'en ai tout un solfège sur cet air qui bat...*⁴

Набрав достаточно высоты самолет взял резкий крен влево, обнажив чудесный весенний рассвет на горизонте. *Qui bat comme un cœur de bois...*⁵

Я закрыла глаза.

До посадки в аэропорту Вена-Швехат оставалось около двух с половиной часов. В череде сумбура двух последних

³ Нужно сохранить печали на потом... (фр.)

⁴ У меня из них целое сольфеджио на этот мотив, который стучит... (фр.)

⁵ Который стучит, как деревянное сердце... (фр.)

дней это были первые часы относительного спокойствия. Вчера после того, как я оставила Алису с Олегом наедине у себя дома, они впервые за долгое время поговорили по-настоящему. Каждый о себе. О своих проблемах, чувствах, невозможностях. Позже, когда я вернулась домой и застала там Алису, она рассказала мне, что ни на что бы не променяла этот час их откровенной беседы. И пусть повод для неё был не из приятных, а дальше предстоит испытать еще многое, но воссоединение с родным человеком стоит всего этого.

«Теперь мне не страшно»: сказала она, крепко обняв меня. И добавила: «Спасибо». Это «спасибо» значило для меня очень многое. Возможно больше всего за последние несколько лет.

Олег решил взять отпуск и провести эту неделю с сестрой, так что мое отсутствие не стало большой проблемой. Наоборот, Алиса почти час выпытывала из меня все подробности моей поездки и того, каким образом я заполучила её для себя. Я не упомянула о моем смятении в отношении Алексея, решив, что мои переживания не так уместны для подруги на грани развода. Да и вся эта минутная слабость была уже давно позади.

Но вот что в действительности было интересно для Алисы, так это выбор гардероба для моей поездки. Список мероприятий вдохновил её на целое дефиле. В моем плане, составленном в кофейне, пока Алиса была наедине с братом, значились: вечернее платье для благотворительного вечера

в венской Рашуте, один идеальный брючный костюм для интервью, фото с которого попадут на разворот журнала, еще один строгий брючный костюм для официальных презентаций, деловой вариант с юбкой и пиджаком, чтобы разнообразить «брючный» стиль, а также одежда для прогулок по городу и перелетов. Когда я составляла этот план, я даже примерно представляла, что именно из моего гардероба может попасть в этот счастливый список и полететь со мной в Вену. Но я явно не учла фактора Алисы.

Если бы ей вдруг пришлось сделать рестарт карьеры, то лучшим для неё вариантом было бы стать стилистом. Её обезоруживающая улыбка и манера преподносить критику через восхищение – это одно из самых главных качеств для любого стилиста. «Эта юбка явно недостойна твоих ног» – в обращении к моей любимой строгой юбке, в которой я ходила последние полгода. «А этот пиджак тебя явно старит, в нем не ощущается, что ты выглядишь намного моложе своих тридцати». Или такое совсем развернутое пояснение: «Нет, это платье кричит сексуальностью. В нем ты слишком хороша. А это недопустимо. У тебя есть больше, чем просто внешность. Не отвлекай окружающих от твоего ума, манерности и утонченности. Будь изящной во всем, а не вызывающей в выгодном». И так около двух часов. В итоге почти весь мой гардероб был признан негодным. Я с трудом отвоевала «то самое черное короткое платье» от Alexander McQueen и мой каждодневный гардероб полностью состо-

ящий из AllSaints и Rick Owens. Поэтому сейчас в багажном отделении самолета лежал полупустой чемодан, а мое и без того плотное расписание в Вене заполнилось до отказа необходимостью посещения местных магазинов. Алиса даже предложила лично присутствовать на евро-шоппинге, но я уклончиво отказалась. Выдержать еще одну лавину её критических-комплиментов было бы через чур. Поэтому мы сошлись на том, что предоставляю ей полный отчет о своих покупках по телефону.

Я сменила музыку в плеере, и в наушниках зазвучало второе фортепианное трио ми-бемоль мажор Франца Шуберта. Лучший австриец на пути в любимый город на земле. Нажав на экране плеера кнопку «репит», я погрузилась в долгожданный сон. Сон о Вене.

За свою жизнь я побывала во многих городах. Родившись в Москве и проведя в ней большую часть жизни, я так и не смогла сблизиться с этим городом. Москва всегда казалась мне сборной, сделанной словно из конструктора «лего», детали которого были набраны из различных комплектов. Тут были и детали древнерусские, и детали имперские, приятные усадебные детали второй столицы дореволюционной России и вызывающе помпезные детали советской Москвы – центра коммунистического мира. Современная же Москва пыталась не упорядочить имеющиеся наследие, мудро расставив акценты, а еще больше наполняла город сборными элементами. Да, Москва только ищет себя. Новую, современ-

ную столицу новой России. Но её поиски, как и многое другое в современном этапе истории страны, скорее напоминают разновекторное стремление к противоположным величинам: архаике и авангарду. Мы одновременно хотим воссоздать старое и укоренить нечто новое. При этом забывая, что старое не вернуть, а новое не обрести без долгого развития. Вот когда Москва начнет прислушиваться к своему прошлому, объективно оценивать свое настоящее и созидать на благо будущего, она почувствует свой новый дух. Ведь её величие не в помпезности, для неё она слишком просто задумана изначально. В ней нет имперского величия Петербурга, который создавался как вызов всему вокруг, начиная от природы и заканчивая историей своей страны. Её путь – это путь самодостаточности. А её главное достоинство в тех самых деталях и акцентах, которыми заполнился главный российский город за свою многовековую историю. Просто не нужно их искусственно сшивать друг с другом, превращая важное наследие в отталкивающее настоящее. Нужно дать каждой из деталей свою жизнь. Москва – это город городов и столица столиц. Она многолика, в этом её истинный дух.

Далее в моей жизни появился Париж. Год, проведенный в нем был прекрасным. Этот город создан для женщин. Лучшие мужчины именно парижане. Причем всех возрастов. Их улыбки, утонченная и ненавязчивая внимательность – лучший эликсир для женской красоты. В Париже стоит пожить, чтобы почувствовать себя женщиной. Красивой свободной

женщиной. Но при всем при этом он кажется мне вселенски скучным. Он безотказен во всем, что касается легкости и беспечности. Наверное, поэтому его именуют городом любви. В Париже можно сколь угодно долго наслаждаться жизнью, но именно эта постоянная эйфория становится тяжким испытанием. По крайней мере для меня. Доступное счастье кажется мне скучным. Весь интерес появляется только через преодоление, а в Париже преодолевать что-то, сродни греху.

Другие европейские столицы: Лондон, Мадрид, Берлин – видятся мне слишком официальными. В них приятно бывать, прогуливаясь по дышащим историей и культурой местам, бродить по бесконечным галереям их музеев. Но живя в них, проникаешь во всеобъемлющую рутину крупных мегаполисов, которая моментально растворяет весь дух этих городов и превращает их в безликий вечно движущийся современный город.

Это одна из самых губительных черт современной жизни, я называя её про себя «перенасыщенность». Ежесекундно с тобой происходит слишком много всего: большой трафик, засилье рекламы, забитые до отказа бары, крупные торговые центры с морем товаров. Человек же симулятивен, он постоянно реагирует на происходящее с ним. Анализирует и выбирает. Подобный прессинг стирает очень важный фактор в нашей жизни – момент восприятия. Мы не успеваем поймать свои чувства. Остановиться. Рассмотреть. Про-

чувствовать. Современный город тут же преподносит нам новый момент восприятия. И так каждый раз. Каждую минуту каждого дня.

Но в Европе есть столица, которая живет по другим законам – это Вена. И эти законы не старомодны, Вена более современный город, чем скажем Барселона, тут дело в другом. Вена всегда все делает по-венски. Она не желает брать модные мировые тенденции и копировать их на себя лишь для того, чтобы выглядеть современно. У неё иной путь. Путь самобытности и путь созидания. Еще со времен многовекового правления Габсбургов, для которых Вена была бессменной резиденцией, формирование собственного стиля и отношения ко всему стояли во главе угла. Хофбург – центр могучей империи Габсбургов – лучшее тому подтверждение. Нигде в мире не найти такого сосредоточения разных стилей, воплощенных в единый дворцовый ансамбль. Австрийцы не пытались копировать, они жадно поглощали стилистические окраски и создавали уникальные сочетания. Это главное, что привлекает в Вене – её умение чувствовать стиль. Делать особенным то, что уже создано. Музыкальный классицизм был рожден не в Вене, но именно в ней он достиг своего апогея. Великое трио: Гайдн, Бетховен и Моцарт – родили собой нечто особенное, именуемое венской классической школой. Они не произвели революцию в музыке – они достигли в ней совершенства. То же самое произошло с пришедшей на смену классике эпохе романтизма. В Вене

она зазвучала иначе. Во всем. В музыке, живописи, архитектуре, моде. То, что мы привыкли считать эпохой романтизма в лице Пушкина и золотого века нашего искусства – это не что иное, как венский бидермейер. Именно в этом городе европейский романтизм не затмил полностью господствующий прежде ампир, а проник в него, дополнив величественный стиль тонкой индивидуальностью.

Но главный показатель того, что Вена до сих пор является особенным городом в семействе европейских городов, служит её история в XX века. Этот век стал проверкой для духа города, который пережил страшные времена первой мировой войны и губительную ошибку фашизма во второй мировой войне. Но Вена смогла справиться и с этим. Разруха и жестокий урок поражения сделали этот город сильнее. И вновь столица, теперь абсолютно нейтральной и независимой Австрии, осталась верна заветам прошлого. Послевоенная Европа по-разному восстанавливалась после кризиса второй мировой войны. Большая часть крупных городов отказывалась от исторической застройки в угоду современным веяниям. Так родился термин «брюсселизация». Хаотической реконструкции городов, при которой современные кварталы возникали в пределах «старых городов», полностью уничтожая их. Но Вена не решилась пойти по этому пути. Она не имела права. Ей было крайне важно сохранить то прошлое, которое у неё было. Не отказаться от него, а вновь найти себя среди этих пугающих отголосков второй мировой.

Современность накрывала Вену постепенно. То там, то здесь проявляя себя в причудливых и сложных формах постмодерна и деконструктивизма. Это и делает её особенной для нас сейчас. Мы находимся в абсолютно современном городе, но нас ни на секунду не покидает ощущение истории этой столицы. Тени прошлого не загнали за музейные ограды, им позволили существовать бок о бок с настоящим. Дополняя его и влияя на него.

Я провела в Вене целый отпуск времен работы в Париже. Две недели этот город словно ухаживал за мной на манер достойного кавалера. Он открывался мне постепенно. Не напирая, а аккуратно отступая в сторону, чтобы я могла сама разглядеть и оценить его лучшие качества. Чтобы полюбить Вену нужно много усилий. Она витиевата и многогранна. Но эти усилия полны наслаждений. Венская кухня – это что-то магическое. Кажущаяся простота блюд, непривычна для современной погони за изысканностью. Но стоит прикоснуться к этой кухне, и ты понимаешь, что дело не в простоте. Дело в избирательности и законченности. Все на своих местах. Нет ничего лишнего. Тоже самое в архитектуре. Она изысканна ровно настолько, чтобы не отвлекать нас от общего восприятия. Это единство верных сочетаний повсеместно. Оно пьянит. Прогулка по Вене – это одновременно вальс с достопримечательностями прошлых эпох и ритмично пульсирующий облик современности. Время здесь замирает, рождая собой особое измерение. Такого я не испы-

тивала больше нигде. Вена не презентационная и не пафосная. Она полна достоинства и терпения. В ней есть, та самая интеллигентная сдержанность, которая для меня всегда являлась самым главным из всех качеств.

Я открыла глаза, пробудившись ото сна и посмотрела в иллюминатор. Рассвет стремительно набирал обороты, обгоняя наш рейс. Наручные часы показывали без пятнадцати семь по местному времени. Посадка должна начаться в ближайшие десять минут.

Глоток воды, пристегнутый ремень и еще одно напутствие от мадам Пиаф. «Я справлюсь», – произнесла я слишком громко из-за звучащей в наушниках музыки. Молодой парень на соседнем кресле повернулся и сочувственно посмотрел на меня. Его эликсиром забвения была все та же космическая стрелялка на укрытом от взглядов стюардесс смартфоне.

Заход на посадку. Плавное снижение над красивым витиеватым руслом Дуная.

Еще ниже. Шасси уже выпущены и самолет немного трясет.

Касание земли. Скорость падает.

Мадам Пиаф вновь сделала свое дело. Я в безопасности.

Вена встретила меня приятным теплым воздухом ранней весны. Выйдя из терминала прилета аэропорта и двигаясь на стоянку с такси, я сделала глубокий вдох этого магическо-

го воздуха пробуждения природы. Пробивающееся из-за горизонта солнце предвещало хороший день. Погода была настолько мягкой, что я позволила себе расстегнуть свою кожаную куртку, чтобы свежий ветер проник сквозь легкую майку и своим нежным прикосновением взбудоражил мое сонное от перелета тело.

Ранним утром прилетающих пассажиров было не так много, так что стоянка такси была почти полной. Один из мужчин даже вежливо подбежал ко мне, чтобы помочь с кажущейся внешне увесистой сумкой на колесиках. Но после того, как я смущаясь уступила ему свой багаж, он понял свою ошибку и спросил с улыбкой:

– Shopping?

– Nein. Geschäftlich.⁶

– Sprechen sie deutsch?⁷ – спросил он с ярко выраженном восточноевропейским акцентом.

– Ja.⁸

– Mensch!⁹ – радостно произнес таксист и уверенно зашагал к своей машине.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним и набраться терпения, ведь можно было не сомневаться, что этот водитель был явно из категории «разговорчивых». А вопро-

⁶ Нет. По делам. (нем.)

⁷ Вы говорите по-немецки? (нем.)

⁸ Да. (нем.)

⁹ Здорово! (нем.)

сов могло набраться совсем не мало, учитывая, что от аэропорта до моей гостиницы минимум около часа езды.

Но мои опасения не оправдались. По крайней мере его «разговорчивость» носила односторонний характер. После того, как он узнал, что я из России последовал получасовой монолог о его прошлой жизни в Чехии, которая тогда именовалась Чехословакией и входила в состав СССР. Последний факт иммигрант из города с забавным названием Градиштво, расположенного на самом-самом живописном участке русла Влтавы, что под Прагой, произнес с особым акцентом. «Вы русские плохо помните свою историю. Иначе бы не делали столько ошибок», – заключил он, закончив жизнеописание своего детства. Затем он начал припоминать всех попавших в его такси русских. Особо ему запомнилась одна девушка с белой болонкой в руках. Она была так красиво и сексуально одета, что он не смог потребовать с неё ни одного евроцента. В ответ на что, та поцеловала его в щеку. «Русские женщины очень вызывающие. Чешки, конечно, тоже хороши собой, но не умеют так подать себя с выгодной стороны, как русские», – очередная мудрость от моего таксиста. Мне ничего не оставалось, как улыбнуться и пожалеть, что я не обладаю этой привычкой подавать себя с выгодной стороны. Моя кожаная потертая куртка, белая майка с принтом в виде бога Шивы, узкие черные джинсы и стертые высокие ботинки с агрессивной шнуровкой явно не подходили под определение вызывающих русских девушек с собачка-

ми. «Повезет в другой раз» – мысленно пожелала я таксисту и перевела взгляд на то, что происходило за окном.

Величественный Дунай, который мы пересекали по мосту, чтобы оказаться в северной части города. Мой самый первый визит в Вену, еще в студенческие годы, запомнился мне именно Дунаем. И даже не столько руслом в черте города, сколько долиной Вахау, расположенной западней столицы. Могучее течение среди скалистых холмов, руины средневековых крепостей и мои любимые виноградники. Аббатства и паломники, словно сошедшие со страниц романов Умберто Эко. Долина Нибелунгов и тени гуннов. Как это захватывало тогда и как это, похоже, далеко теперь.

Оставшиеся полчаса до отеля я с легкой грустью вспоминала ту легкость и искреннюю страсть, которая была во мне в молодости. Мне хотелось жадно поглощать все, что было вокруг меня. Новые страны, культуры, истории. Мир тогда казался таким простым и понятным. Все что нужно было от меня – это мои широко открытые глаза и распахнутая для новых впечатлений душа. Сейчас же мне почти уже год как тридцать, и моя душа закрыта на сотни засовов. Я даже не могу понять почему. Я как-то упустила для себя тот момент, когда перестала видеть перед собой открытый для меня мир. Большой мир, а не маленький мирок моего личного пространства, в который ни у кого не было ключей.

– Situ!¹⁰ – прервал мои размышления таксист.

¹⁰ На месте! (нем.)

Я расплатилась за поездку и улыбнулась на прощание моему временному спутнику, который помог мне с багажом. Затем вошла в вестибюль гостиницы.

«Einhorn», что в переводе с немецкого означало единорог. Таким было название этой маленькой гостиницы на семь комнат, в которой я останавливалась уже в свой третий визит в Австрию. Её владельцы, пожилая пара, были коренными жителями Вены. Они долгое время проживали и работали в старом городе, который располагался по другую сторону Дуная, но затем перебрались сюда, открыв здесь свой небольшой бизнес. Про себя они называют его «der unserige tochter» – «наша дочка». Такое определение весьма неслучайно. История этой пары – это история преодоления и возможности найти свое маленькое счастье при любых обстоятельствах.

Кристоф, один из партнеров в этой паре, был инвалидом с раннего детства. Еще в возрасте семи лет он на велосипеде попал под колеса автомобиля и повредил позвоночник, так что с тех пор мог передвигаться только на инвалидном кресле. Как ни странно, но рассказывая о тех событиях, он никогда не выглядел подавленным. Наоборот с почти воодушевлением описывал солнечную погоду в тот злополучный день и то, как теплый ветер прикоснулся к его лицу, когда он крутил педали велосипеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.